

КЛАУДИО ИНГЕРФЛОМ

АЗ ЕСМЬ ЦАРЬ

ИСТОРИЯ
САМОЗВАНСТВА
В РОССИИ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Клаудио Ингерфлом

**Аз есмь царь. История
самозванства в России**

«НЛО»

2015

Ингерфлом К.

Аз есмь царь. История самозванства в России / К. Ингерфлом — «НЛО», 2015 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-44-481439-0

Слова «самодержец» и «самозванец» схожи по звучанию, но объединяет их нечто большее. Политическая культура в царской России была устроена так, что законных правителей часто подозревали в узурпации власти, а самозванцы находили поддержку в народной среде. С начала XVII века сотни людей объявляли себя царями и царевичами, а один из них официально взошел на престол. Самозванчество пустило корни во все сферы социальной и культурной жизни: многочисленные авантюристы выдавали себя за князей, священников, ученых и судей, а после 1917 года – за революционеров, за «настоящего» Ленина, за сыновей Сталина... Почему самозванцев было так много и какую правду выражала их народная легитимность? Клаудио Ингерфлом впервые реконструирует историю этого феномена от царских времен до наших дней, объясняя, как самозванчество стало политической нормой в России, и показывая, как его элементы проявляются в современных нам реалиях. Клаудио Сержио Ингерфлом – директор Центра по изучению славянского мира Университета Сан-Мартин Буэнос-Айреса, автор многочисленных работ по истории России. *Le Tsar, c'est moi Claudio Sergio Ingerflom*

ISBN 978-5-44-481439-0

© Ингерфлом К., 2015
© НЛО, 2015

Содержание

МОЙ ДОЛГ	7
ВВЕДЕНИЕ	8
ПРЕЗИДЕНТ – ПОСЛАННИК БОЖИЙ?	8
ДА ОН ЛИ ПОМАЗАННИК БОЖИЙ?	10
САМОЗВАНСТВО И МИСТИФИКАЦИЯ	12
ПРИЗРАК БРОДИТ ПО РОССИИ – ПРИЗРАК САМОЗВАНСТВА	13
ПРОШЛОЕ, НАРОД, ИСТОРИК	14
НЕПРИВЫЧНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ	15
Глава I. ЛЖЕДМИТРИЙ I И НАЧАЛО ЭПИДЕМИИ САМОЗВАНЧЕСТВА	16
РЕАЛЬНОЕ, СИМВОЛИЧЕСКОЕ И ВООБРАЖАЕМОЕ ОТ СЛУХА ДО «ЯВЛЕНИЯ»	17
МАССОВАЯ ПОДДЕРЖКА ЛЖЕДМИТРИЯ I	21
ЦАРЬ УМЕР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЖЕЦАРЬ!	22
ФУНКЦИЯ ЛЖЕЦАРЕВИЧЕЙ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА	23
КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНИЦА	25
Глава II. САМОДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ: ИНВЕРСИЯ ЗНАКОВ, НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ	26
КАК РЕКОНСТРУИРОВАТЬ МИР, КАНУВШИЙ В НЕБЫТИЕ?	27
ИНВЕРСИЯ ЗНАКОВ	28
ЦАРЬ И ЮРОДИВЫЙ	30
СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ЦАРЯ	32
У ИСТОКОВ ЦАРСКОГО ТИТУЛА	33
ИНВЕРСИЯ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ	35
Глава III. ВЫМЫШЛЕННЫЕ РОДОСЛОВНЫЕ	36
РОДОСЛОВНАЯ ЦАРЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕГО ТИТУЛА	37
РОДОСЛОВНЫЕ ЗНАТНЫХ ФАМИЛИЙ	39
СМЫСЛ МИСТИФИКАЦИЙ	40
Глава IV. ИЛИ ЦАРЬ, ИЛИ РАБ ЦАРЯ	41
КТО ТАКОЙ САМОДЕРЖЕЦ?	42
ГОСУДАРЕВ УДЕЛ	44
ЦАРСКИЕ ХОЛОПЫ	46
ПОЧЕМУ РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО НЕ БУНТОВАЛО?	47
ПРИНАДЛЕЖАТЬ ЦАРЮ	48
Глава V. ИГРА В ЦАРЯ	50
ХОЛОПЫ ИГРАЮТ В ЦАРЯ	51
ИГРА НА ЗАПАДЕ И ИГРА В РОССИИ	52
ЦЕРКОВЬ И ИГРА	53
ЧТО ЗНАЧИЛО «ИГРАТЬ» НА РУСИ В XVI–XVII ВЕКАХ	54
Глава VI. КТО ТАКОЙ САМОЗВАНЕЦ?	57
ДВА ЦАРЯ	57
КТО ТАКОЙ САМОЗВАНЕЦ?	58
ИСТОРИЧЕСКАЯ АЛГЕБРА	60
Глава VII. АЗ ЕСМЬ ЦАРЬ	61

УМНОЖЕНИЕ «ГОСУДАРЕЙ»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Клаудио Ингерфлом Аз есмь царь История самозванства в России

*Памяти моих учителей —
Михаила Яковлевича Гефтера
и Наума Ефимовича Застежера —
и друзей — Сени Рогинского
и Кивы Майданика*

МОЙ ДОЛГ

Владимир Короленко, автор великолепного рассказа о массовом ежедневном самозванстве в России конца XIX века, был удивлен, узнав, что по стране бродит лже-Короленко. Самозванцы становятся тенью своих летописцев. Объект догоняет субъекта. Не будучи романистом, субъект-историк находится в истории, большую часть времени без своего ведома, но бывает, что писание восстанавливает его собственную память.

Это было летом 1976 года. Станислав Андреевич Любшин, очень популярный в то время актер (культовые фильмы с его участием «Мне двадцать лет» и «Щит и меч» регулярно показывали по телевидению), звонит в Минторг в Москву, чтобы узнать, где можно купить чешские полки. Деревянные, застекленные, легко складываемые, они были очень популярны в Москве и особенно дефицитны. Даме, ответившей на звонок, Любшин объяснил, что не может дать свой номер телефона, потому что он на даче и звонит из деревенского телефона-автомата, но если товарищ узнает, он обязательно перезвонит... На следующий день он снова позвонил, дама-товарищ сдержала свое слово, и Станислав Андреевич, перед которым я здесь извиняюсь, имел адрес магазина, день и час прибытия товара. Информация оказалась верной, и после совместной с рабочими разгрузки грузовика – последнее условие для получения права на покупку – я приобрел прекрасную деревянную библиотеку, которая сейчас находится в Париже.

Лже-Любшиным был мой друг Илья Ф. Я рассказал ему о своем желании приобрести чешские полки и о досаде, что так не нашел их. Он был очень удивлен: «После шести лет в МГУ ты не знаешь, как это сделать?» И он применил известную хитрость советской молодежи, о которой я не думал.

Эта история вспомнилась мне только сейчас, в процессе работы над русским вариантом книги. Какое было в моем отношении с русской культурой символическое значение этого акта самозванства, соучастником которого я стал? Этот поступок, как бы подведший черту моей студенческой жизни в Москве (1966–1972), был частью моего будущего, неотделимого от книг. Та покупка была мной сделана как бы в долг у многовековой традиции русского самозванчества, и сейчас, после долгих лет изучения и осмысления дорогой мне русской истории, этот долг погашен.

Мне очень приятно отметить мастерство, с которым Павлу Каштанову удалось обойти сложность французского языка, при переводе моей книги на русский язык. Также мне очень повезло и в другой части работы над русским изданием: у меня был умный, понимающий и страстный редактор, Дмитрий Споров, о таком редакторе мечтают все авторы, когда отправляют рукопись издателю. Обоим моя благодарность.

Париж – Буэнос-Айрес, 2020

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕЗИДЕНТ – ПОСЛАННИК БОЖИЙ?

В начале 2012 года российские СМИ сообщали о появлении в Нижегородской области секты, в которой принято молиться на икону с ликом Путина. Глава этой секты, основанной в 2005 году, некая «матушка» Фотинья еще в мае 2011 года привлекла внимание российских властей и прессы, провозгласив, что «на Путина снизошел Святой Дух», дабы он, «как новый апостол, вел за собой Россию». Восьмого июля 2011 года Владислав Сурков, выступая по российскому телевидению, объявил, что Путин «послан России судьбой и Господом в трудный для нее час». Через пять месяцев Путин, тогдашний премьер-министр и кандидат в президенты, назначил Суркова вице-премьером. Среди наград, присуждаемых нынешним российским правительством, выделяется «Орден Святого апостола Андрея Первозванного». В ритуалах, языке и поведении современная российская государственная политика все чаще обращается к мистическому опыту. Слова Фотиньи можно было бы счесть причудой и отнести к ним не более серьезно, чем к «пророчествам» лидера какой-нибудь западноевропейской секты; но мыслимо ли дело, чтобы руководитель аппарата французского премьер-министра, решившего выставить свою кандидатуру на должность президента, объявил его Божьим посланником, призванным спасти Францию? Это означало бы для него если не конец карьеры, то по крайней мере гарантированное поражение на выборах. Можно было бы также ограничиться разговором об откровенно странных заявлениях высокопоставленных российских чиновников. Но стоит, пожалуй, воспринимать и икону с ликом Путина, и молитвы Фотиньи, и интервью кремлевского чиновника как явления одного порядка: если поместить их в контекст российской политической культуры и российской истории, переключка между высказываниями людей, находящихся на противоположных концах социальной лестницы, представится не столь странной, как могло бы показаться неискушенной западной публике. Ибо в рамках этой культуры действия правительства и власти вообще принято легитимировать апелляцией к высшим силам, недостижимым для простых смертных, идет ли речь о божественной воле, на которую ссылались при царях и в нынешней России, или о марксистско-ленинских законах общественного развития, которыми обосновывались решения советских партийных органов.

Икона с изображением Путина и молитвы Фотиньи, с одной стороны, и апелляция к Богу в выступлении высокопоставленного чиновника – с другой являют собой контраст между знакомым и *иным*. Объяснения требует, как всегда, лишь *иное*. Если мы хотим избежать поверхностных трактовок этих заявлений, если хотим рассмотреть их с учетом культурного контекста, нам следует подвергнуть их «деконструкции» (Ж. Деррида), то есть «очистить от напластований» историю, заложниками которой оказались Сурков и Фотинья.

Конечно, и в *ином* проглядывают знакомые черты: обращение к трансцендентному восходит к общеевропейской и общехристианской традиции. Хотя образ Спасителя и развернут в будущее, он пришел к нам из прошлого. При этом общая для всего христианского мира традиция варьируется в зависимости от конкретных условий. Попытки объяснить *иное* обречены на неудачу, если не выявляют его истоков, продиктованы конъюнктурными соображениями или сводятся к столь же распространенной, сколь и косной привычке приписывать инаковость России ее природной сущности или *тому, чем она не является*. Объявление себя Божьим посланником свидетельствует об исторической слабости политического представительства в России. Нынешний всплеск антипросветительских настроений – оборотная сторона той дремучей архаики, венцом которой выступает божественная легитимация власти. Обширные слои общества и представляющие их политические деятели ощущают себя носителями

трансцендентальных истин, связанных с этой легитимацией. Но не будем опрометчиво делать вывод, что Россия – исключение из правил. Если учесть, что попытки подчинить политику интересам религии – актуальная нынешняя тенденция, не признающая государственных границ, становится очевидной необходимостью понять связь между чаяниями верующих и апориями современности как таковой. Вспомним, например, о характерном для демократической политической системы разрыве между представляемым и представляющим, вернее, о растворении первого во втором, разрыве, который в любую минуту грозит окончиться социальным взрывом в любой точке мира.

ДА ОН ЛИ ПОМАЗАННИК БОЖИЙ?

«Божественная» легитимация монарха и требования продемонстрировать свою связь с высшими силами уходят корнями в глубь веков и не ограничиваются Россией. Вопрос, вынесенный в заглавие этого раздела, ставится с тех самых пор, как монархи возомнили себя проводниками Божьей воли. В 1648 году, в разгар английской революции, Томас Кольер, священник, близкий по взглядам к баптистам, писал, что Бог, безусловно, может даровать человеку власть, но что это божественное право нужно еще доказать. В России к монархам предъявлялось почти идентичное требование, высказываемое в разных вариантах и формах. Но именно что «почти», ибо английский претендент на божественное право был частью системы *политического* представительства, в контексте которой члены палаты общин считались не столько его подданными, сколько «соперниками», притом что «божественное» отделялось от вопросов управления. От Карла требовали предъявить Божью санкцию на королевский престол, прекрасно зная, что таковой не существует: единственную санкцию ему выдавал тот, кто наделял его полномочиями, то есть сам народ. Подлинность физического тела Карла I не подвергалась сомнению: его политическое тело лишали божественного статуса, чтобы сделать короля ответственным перед палатой общин, а через последнюю – перед всеми подданными. В России к царю, считавшемуся Божьим помазанником, предъявлялись иные требования: монарх должен был доказать, что он – в чисто физическом смысле – подлинный, что он не лжецарь, не самозванец. Отсюда и разница в подходах: если англичане оспаривали божественное право королей и искали замену существующей политической системе, в России подвергали сомнению личность монарха и пытались найти истинного избранника и Божьего помазанника, вынужденного скрываться от бояр, изменивших ему и Богу. Но, за редким исключением, эти сомнения и поиски не затрагивали божественное право как источник легитимности.

И вот по прошествии трех с половиной веков российским президентом избрали человека, которого прельщает идея божественного происхождения власти. Открыто объявить это, призвав в союзницы религию, опасно: для того чтобы поддерживать в народе веру в свою богоизбранность, ему придется совершать только те поступки, которые люди вправе ждать от Божьего посланника, олицетворяющего доброту и справедливость. Обращение к божественной легитимации само по себе не странно; удивляет лишь, что здесь оно вплетено в современную систему политического представительства, в контексте которой легитимность власти считается чем-то имманентным, коренящимся в самой основе нашего мира, а не трансцендентным, пришедшим из мира потустороннего. Наше исследование противоречит представлению об истории европейского Запада как о движении по накатанной дороге к современному миру как к единственно возможной цели, не оставляющем места ничему другому в политическом воображаемом человечества. Современность не едина, она не самодостаточна и не вполне утратила связь с прошлым. Используя тот же принцип, который применялся для легитимации монархов старого порядка, нынешние российские власти неизбежно воспроизводят основополагающие черты царского и советского режимов. Если современная политическая культура в России и отличается от нашей, причина этого прежде всего в семантических напластованиях прошлого. Ставя на первое место физическое тело Избранника, кремлевские чиновники вдыхают новую жизнь в традиционную историческую модель, действовавшую в России на протяжении столетий, от объявления сакральным тела царя до культа личности – модель, которая не допускала представительских институтов, безличной и абстрактной власти и народного суверенитета. С XVI по вторую половину XVIII века царский режим являл собой полную противоположность идеям Макиавелли и Гоббса: если великий флорентинец отрицал вмешательство божественных сил в дела города, а автор «Левиафана» ставил на их место власть, видя в ее временном и формальном характере первооснову политической морали, цари делали все, чтобы «политика», как бы

мы назвали ее сейчас, оставалась одной из разновидностей теологии, а последняя была бы не чем иным, как способом управления людьми. Царизм преследовал двоякую цель: выдвинуть на передний план физическое тело монарха и оттеснить в сторону его политическое тело, что позволяло уберечь от критики второе, но способствовало сомнениям относительно подлинности первого, а значит, и бунтам. Как утверждал Иван IV, самодержавного царя назначает Бог, который напрямую сообщает ему свою волю. Ни один посредник, включая и Церковь, не может выступать здесь ни поручителем, ни наблюдателем. Иван IV стал родоначальником стратегии, которую впоследствии узаконил Петр I: сделать размытыми, фактически несуществующими границы между истинным и ложным, напустить тумана, за которым скрываются жесточайшие произвол и деспотия. Однако тайный характер отношений монарха с Богом вскоре сделался слабым звеном его легитимности: недовольный своим положением народ позволил себе усомниться в подлинности человека, занимавшего трон. И не только усомниться. Любой мог теперь с равным основанием назваться царем, поскольку доказательство его легитимности, заключенное в прямой и сокровенной связи с Богом, было недоступно простым смертным. Подобные соображения вдохновляли и оправдывали народные протесты. Поскольку цари мало соответствовали образу безупречного правителя и Божьего посланника, общественное недовольство всякий раз сопровождалось сомнением: действительно ли этот человек (вернее, его физическое тело) избран Богом или он узурпировал власть и изгнал настоящего царя? А если верно второе, то где скрывается помазанник Божий? Стоит ли удивляться, что при таких ожиданиях недостатка в претендентах на роль настоящего царя не было. Скорее, наблюдался их переизбыток.

САМОЗВАНСТВО И МИСТИФИКАЦИЯ

Самозванство структурно связано с самодержавием. «Самозванство становилось стереотипной формой русского политического мышления, в которую отливало всякое общественное недовольство», писал Василий Ключевский. Форма, которую приняло сопротивление, раскрывает природу тогдашней власти. Самозванцем был не тот, кто присваивает себе чужую личность, имя и статус, но в первую очередь тот, кто *не призван Богом*. Поскольку самозванство относится главным образом к области религиозного, то, когда его низводят до простой мистификации, мысль о божественном откровении, органически присущем российской политической истории, подменяется банальным мошенничеством, явлением универсальным и вполне объяснимым. Впрочем, самозванство – это всеобъемлющий феномен, охватывающий такое множество сфер жизни и насчитывающий такую долгую историю, что оно отнюдь не исключает тривиальных мистификаций, устраивающихся ради личной выгоды и не требующих оправдания собственных действий ссылками на богоизбранность. Последняя форма присутствовала в России всегда, но с XIX века ее значение возрастает, хотя параллельно с ним существует и самозванство с религиозной подоплекой.

Речь идет о ключевом явлении российской политической жизни, а его внутренняя периодизация, которую я предлагаю в этой книге, меняет традиционную периодизацию политической истории страны, в то же время определяя специфические направления политической модерности в России. И несмотря на то, что немало случаев самозванчества уже изучено, моя книга представляет собой первое исследование, охватывающее всю долгую историю этого явления.

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО РОССИИ – ПРИЗРАК САМОЗВАНСТВА

Попытки добиться престола, выдавая себя за сына почившего короля или императора или за самого монарха, чудом избежавшего смерти, ведут отсчет с того самого момента, как возникает институт монархии. Без фигуры самозванца не обходится, вероятно, ни один период истории, со времен Античности и до наших дней, какую бы часть света мы ни взяли. Россия выделяется на общем фоне той ролью, которую этот феномен играет в ее истории. У всех царей и императоров, за очень редким исключением, было по одному или несколько двойников, присваивавших себе их имя. Не избежал общей судьбы и Ленин, да и вообще конец царизма не положил конца подобному рода мистификациям: в 1931 году ГПУ охотилось за лже-Бухариным, пытавшимся организовать в деревнях крестьянское сопротивление насильственной коллективизации. Один за другим появились несколько мнимых сыновей Сталина; в 2004 году последний претендент на роль внука Ленина потребовал провести экспертизу ДНК для подтверждения своего родства с «дедом». Постоянно всплывали личности, выдававшие себя то за революционеров, то за героев Гражданской или Второй мировой войны. Их мишенью становились даже представители госорганов: военные консультанты, эмиссары царя и ЦК партии, служащие министерства, отправляемые инспекторами в регионы или на какие-нибудь промышленные объекты, судьи, агенты царской полиции и ГПУ НКВД – что ни день, кто-то себя за них выдавал. Со времени раскола Церкви (XVII в.) число самопровозглашенных епископов, архиепископов и других высших церковных иерархов измерялось десятками; возникали параллельно действовавшие церковные структуры, объявлявшие друг друга *самозванцами*. Не обошлось без мистификаций даже в области законов: поддельные указы, манифесты, установления сеяли раздор и смуту, провоцировали и оправдывали беспорядки. Официальное законодательство, не отвечавшее интересам крестьянства, отвергалось как ложное. В его фальсификации крестьяне обвиняли помещиков, что придавало в их глазах легитимности бунту против господ, на который они шли «во имя царя». Вдохновляясь опытом крестьянских восстаний, революционеры XIX века – а позднее, во время Гражданской войны, партизаны – также ссылались на лжеманифесты, чтобы поднять народ на восстание или на борьбу с белыми «во имя царя». К концу XIX века движение достигло своего пика: лжеврачи, лжежурналисты, лжеученые, лжеактеры, лжелюбовники лжекнягинь и другие обладатели воздушных замков старались монетизировать воображаемый капитал. Разного рода правонарушители, отправляемые в ссылку, по пути к месту назначения умудрялись выдавать себя за посланцев царя и порой становились ревизорами в той или иной губернии, пользуясь покровительством генерал-губернаторов и начальников полиции, которые иногда и сами... были самозванцами. Самозванчество сделалось одной из излюбленных тем русской литературы.

Оно прочно вошло в активную и коллективную память и национальное сознание. Вследствие социальных и политических условий, вследствие влияния, какое имел каждый такой случай, или значения, какое он приобретал по причине своей массовости, трудно, почти невозможно решить, относятся ли подобные мистификации к числу политических событий или же к разряду обычных преступлений, ибо такое разделение лишает их цельности. Сотни самозванцев и сотни тысяч тех, кто вставал под их знамена, принадлежали к разным социальным и культурным кругам: казаки, крестьяне, солдаты, дворяне, купцы, монахи, революционеры. Они возглавляли многотысячные восстания, но находили сочувственный отклик в сердцах людей даже когда их деятельность ограничивалась одной-двумя деревнями.

ПРОШЛОЕ, НАРОД, ИСТОРИК

В этой книге мы пытаемся прислушаться в первую очередь к тем, кто в русской истории был традиционно лишен голоса. Как известно, проигравшие, угнетенные и изгнанные оставляют мало прямых свидетельств. В историографии нет единого мнения на их счет. То их представляют бунтовщиками, лелеющими несбыточную мечту о золотом веке, врагами государства, разрушителями, дикарями, а в лучшем случае – наивными и суеверными людьми, погрязшими во мраке невежества; то, хоть и редко, наделяют способностью использовать механизмы власти и господствующей культуры для защиты своих интересов. Мы решительно отвергаем первый вариант, а второй в целом принимаем. Более того, люди способны, особенно во время восстания, в противовес существующей политической культуре развить или по крайней мере наметить свою собственную концепцию политической власти, служащую предзнаменованием новой исторической эпохи. Народ способен увидеть свое угнетенное положение и начать борьбу за свои права.

Однако напрасно искать в этой книге ответа на вопрос, действительно ли крестьяне верили, что любой нищий в лохмотьях, назвавшийся царевичем, и вправду наследник престола. Мы пытаемся ответить на другие вопросы: какую функцию выполняла эта вера? Какую истину выражала готовность народа наделить самозванцев легитимностью?

Чем большее удивление вызывает феномен самозванчества – как, например, объяснить постоянство, с которым крестьяне готовы были признать царем жителя соседней деревни, прекрасно понимая, какую страшную цену придется за это заплатить (прибытие правительственной армии сопровождалось грабежами, плетями, вырванными языками, ссылкой или смертью от палок), – тем более историография склонна умалять своеобразие этого феномена, списывая все на «наивность и отсталость народа», чьи действия оценивают и судят с позиций современного рационализма. Царская армия и НКВД усмиряли народные восстания силой, и историография выполняет сходную роль подобными интерпретациями. Понимание прошлого – главная задача историка – сопряжено с пониманием ограниченности наших современных концепций и категорий. Это необходимое условие для того, чтобы мы могли *в разности другого узнать равного нам* и нащупать иной способ постижения мира. Приняв во внимание историчность – то есть ограниченность – современного понимания политики, мы можем спросить себя, какую истину несет нам другой.

НЕПРИВЫЧНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Предмет книги – не тождественность самозванчества и русской истории, а область их соприкосновения, место, где проступали и прояснялись бы стабильность и перемены, безвозвратно ушедшее прошлое и прошлое, проступающее в настоящем, традиционный политический словарь и его размывание, из которого рождается нынешняя понятийная система. Обозначить эти границы было необходимо, чтобы не потерять в процессе исследования специфику темы и не скатиться к широким обобщениям, не учитывающим факты. И хотя целью книги не было реконструировать российскую историю, по мере прояснения феномена самозванчества из обозначенных точек соприкосновения стала проступать иная история России, менее знакомая, но, как ни странно, более понятная. История народа, которому всегда удавалось поставить власти шах, хотя и не всегда – мат.

Глава I. ЛЖЕДМИТРИЙ I И НАЧАЛО ЭПИДЕМИИ САМОЗВАНЧЕСТВА

Если я умру от этой болезни, похороните меня с честью, как погребают царских детей <...>. Я не откроюсь тебе теперь <...>, пока я жив, не говори об этом никому; так Богу угодно; по смерти моей возьми у меня из-под постели бумагу, прочитаешь – узнаешь после моей смерти, кто я таков; но и тогда сам знай, а другим не рассказывай. (Будущий Лжедмитрий I своему исповеднику.)

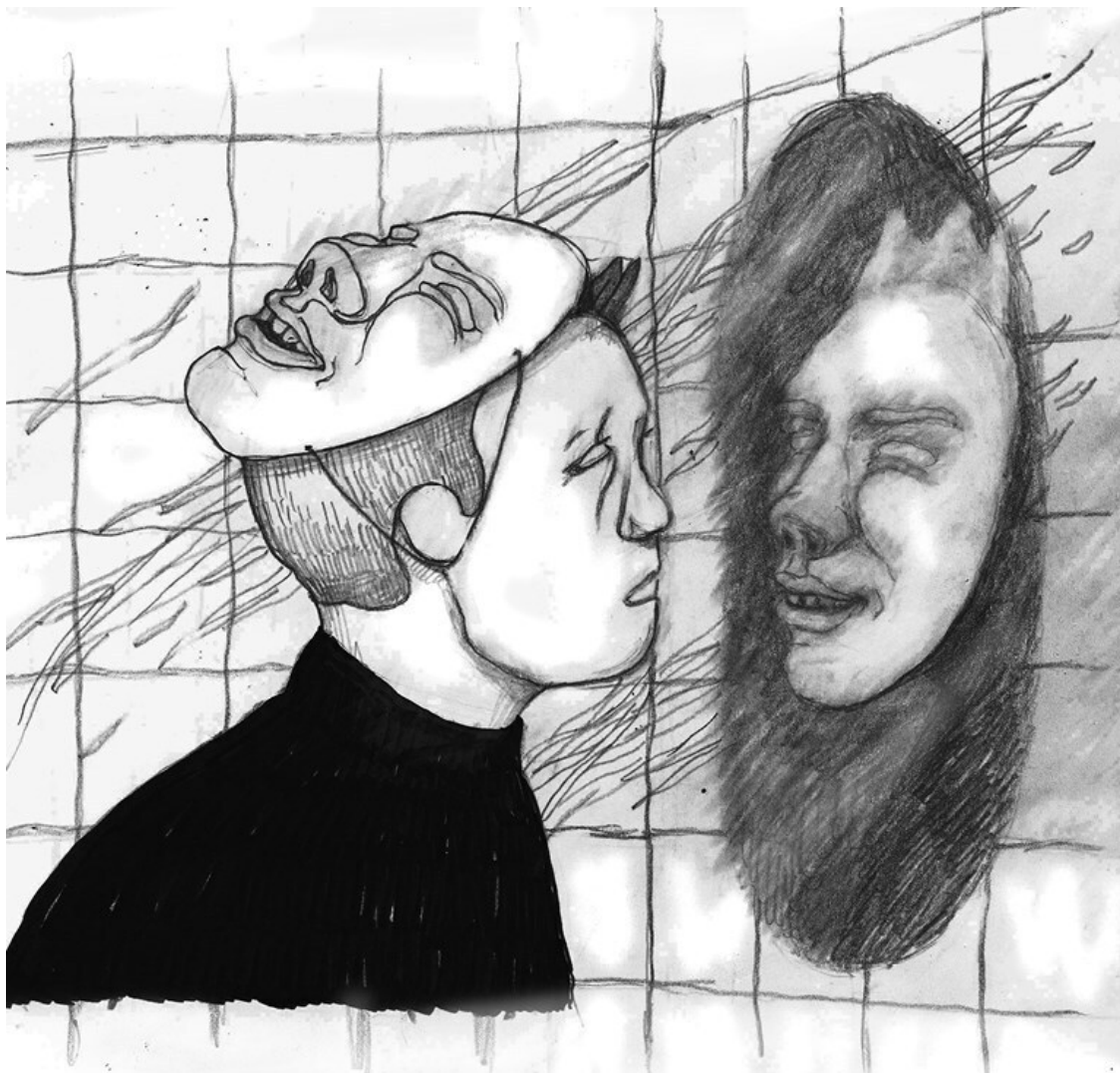
Н. И. Костомаров. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия

В 1601 году занемогший Григорий Отрепьев, причащаясь Святых Таин, открыл исповеднику свое «настоящее» имя, назвавшись сыном Ивана Грозного Дмитрием Ивановичем, который, согласно официальной версии, умер еще в 1591 году. Столь же мнимая, как и новое имя, болезнь вскоре прошла без следа. Но она стала прологом к явлению самозванчества, которое Василий Ключевский определил как «хроническую болезнь Русского государства». Развертывая его метафору, самозванчество можно назвать характерным симптомом самодержавия и нормой русской политической истории.

РЕАЛЬНОЕ, СИМВОЛИЧЕСКОЕ И ВООБРАЖАЕМОЕ

Когда в 1601 году в доме князя Адама Вишневецкого в деревушке Брагин на Волыни в Речи Посполитой серьезно заболел один слуга, он сказал пришедшему к нему исповеднику слова, приведенные здесь в качестве эпитафии; они задали тон всем последующим признаниям подобного рода, которые звучали вплоть до начала XX века. На этом чудеса не закончились: после исповеди Бог исцелил больного. Впрочем, бытовали и иные версии откровения самозванца.

Источники той эпохи не отделяют вымысел от реальности, религиозное от земного. Если бы историк попытался отбросить вымышленные детали, встречающиеся в источниках – задача в некотором роде невыполнимая, ибо в них фантастика и реальность сплетены воедино, – решив разграничить символическое и реальное, история Московии XVI–XVII веков в его изложении предстала бы неузнаваемой. В контексте культуры той эпохи, подчинявшейся собственной логике, основанной на вере, граница, которую мы проводим сегодня между ложным и истинным, была еще не очень четкой. Все, что с нашей точки зрения принадлежит к области чудесного, было тогда реальностью, рождающей надежды, вызывающей беспорядки и бунты. Это не означает, что на веру брали всё; но даже то, что признавалось ложным, влияло на реальное, становясь инструментом в борьбе интересов. Взять хотя бы фантастические слухи, предшествовавшие выходу на сцену как самого Лжедмитрия I, так и двух десятков других самозванных «царевичей», объявившихся во время Смуты. Без мистических знаков в виде врожденных отметин на теле, свидетельствовавших о царском происхождении претендента и часто демонстрируемых во время «явления» – этим словом народ будет еще несколько веков обозначать пришествие лжецарей и чудесный характер этого события, сопоставимого с Богоявлением, – некоторые мнимые «царевичи» не имели бы шанса быть признанными населением даже в XIX столетии. Без тайны, окружавшей их уход со сцены, не возникло бы феномена лжецарей, то есть самозванцев, претендующих на роль недавно убиенного (лже)Дмитрия. С появления слуха о спасшемся лжецаревиче и до его ухода со сцены реальное, символическое и воображаемое соединяются в одно нерасторжимое целое.

В июне 1605 года Лжедмитрий во главе своего войска вступил в мятежную Москву, принял власть – и 21 июля был венчан на царство. Около года спустя, 15 мая 1606 года, он был убит в ходе заговора, устроенного боярином Василием Шуйским, которого вскоре провозгласили царем.

ОТ СЛУХА ДО «ЯВЛЕНИЯ»

Структура слухов о спасении царя или царевича и об их последующем выходе на сцену оставалась на протяжении всей русской истории совершенно идентичной. Она была всесторонне изучена К. В. Чистовым. Слухи Смутного времени строятся по модели, которая сохранит свою актуальность для всех последующих случаев самозванства.

Вмешательство народа. Слухи о том, что царевич Дмитрий жив, создали условия для авантюры Отрепьева. В период между смертью Ивана IV (1584) и его сына Дмитрия (1591) ходили толки об опасности отравления, которой якобы подвергнулся царевич, сосланный в Углич вместе с матерью по приказу царя Федора. После кончины последнего (1598) пошли разговоры о том, что Дмитрий остался жив и где-то скрывался или что Годунову удалось в свое время умертвить царевича, и если теперь Годунов не сумеет избраться царем, то попытается возвести на престол Лжедмитрия, чтобы сохранить власть. Вероятно, у истоков этих слухов стояли враждебные Годунову кланы, ведь подобные мистификации стали одним из факторов внутренней борьбы элит. Но народ подхватил их, сыграв в распространении этих слухов свою роль и выразив в них свои собственные требования. Распускаемые слухи, будь они анти- или прогoduновскими, превращали мистификацию в эффективное и доступное всем оружие. Присвоив его себе, народ обратил это оружие против царя и его элит.

Попытка устранения подлинного царевича и ее провал. По одним слухам, вместо царевича убили иного ребенка. По другим, он был спасен верными сторонниками. После убийства Лжедмитрия в его смерти тоже стали сомневаться. Якобы бояре обознались и убили другого мальчика. Этот слух предвещал выход на сцену Лжедмитрия II.

От ожиданий к «явлению»: мытарства царевича. В слухах о жизни царевича с того момента, как он избежал смерти, и до того, как открыл свое имя публике, зафиксированы три момента. После бегства ребенок воспитывался своим спасителем или какой-нибудь высокородной семьей. Далее он скрывался в монастырях; в большинстве рассказов он служил там монахом. И наконец, он ждал зрелости и только тогда открывал свое «настоящее имя». Юный царевич якобы был воспитан врачом, который увез его из Углича; впоследствии он принял постриг и какое-то время находился в свите патриарха, а затем отправился в Польшу. Согласно одному источнику, он был вынужден бежать на Украину. В манифестах, распространявшихся Лжедмитрием во время похода на Москву, он объявлял, что после бегства из Углича его приютили Бельские и Щелкаловы; эти же два рода молва вскоре свяжет с лжецаревичем Петром.

Отметины на теле. В 1639 году Михаил Романов приказал схватить одного из самозваных сыновей Василия Шуйского, допросить, умертвить, отрубить ему голову, содрать с него кожу в тех местах, где находились «отметины», и отвезти все это в Москву. «Сын» Шуйского демонстрировал родимые пятна в виде крестов и звезд – «доказательства» его принадлежности к царскому роду. Издавна считалось, что родимые пятна на теле человека свидетельствуют о его особой связи со сверхъестественными силами. Демонстрация подобных знаков, свидетельствующих об отмеченности Богом, вплоть до XX века становилась одним из обязательных этапов признания претендента «истинным царем». Подобный мотив присутствует в античной истории, в Германии времен Гогенштауфенов и Габсбургов, равно как и в средневековой Франции и Англии начала XVII века. Так было и в случае с Лжедмитрием и его мнимым «сыном», казаком Иваном Вергунёнком, который между 1644 и 1646 годом, по-видимому, заплатил какой-то женщине, чтобы та каленым железом выжгла у него на теле звезду и полумесяц, призванные доказать его царское происхождение.

Роль слуг и родственников. Чтобы публично подтвердить свою легитимность, Отрепьеву нужно было получить признание Марии Федоровны Нагой, матери царевича Дмитрия. В 1591 году Борис Годунов вынудил ее постричься в монахини, а затем заточил в монастырь.

Признать в Отрепьеве сына значило для нее взять верх над врагами и вернуться ко двору. Трудно представить себе более волнующее и торжественное зрелище, чем эта встреча вдовы первого русского царя, четырнадцать лет проведенной в заточении, и ее мнимого сына. Во время коронации Дмитрия присягали на верность не только ему, но и царице.

Необходимость признания поставила Лжедмитрия II в очень сложное положение, ибо множество людей своими глазами видели его предшественника. В таких условиях решающую роль в подтверждении его личности должна была сыграть Марина Мнишек, вдова Лжедмитрия I. Польские паны были заинтересованы в продолжении войны, а сопровождавшие их иезуиты не забывали о своем миссионерском долге – Рим продолжал лелеять мечту об объединении церквей. В конце концов Марина согласилась публично признать «мужа», но запросила за это высокую цену: в случае успеха ее отец должен был получить среди прочего земли на юго-западе России с четырнадцатью городами плюс триста тысяч рублей. По версии Н. И. Костомарова, иезуиты для очистки совести тайно их обвенчали. Марина, пойдя на это, обеспечила признание нового претендента, но в то же время, как будет видно ниже, предрешила свою печальную участь.

МАССОВАЯ ПОДДЕРЖКА ЛЖЕДМИТРИЯ I

Первая реакция Годунова на самозванца, настроения воевод и населения тех регионов, через которые пролегал путь Лжедмитрия, способствовали успеху последнего, превратив личную инициативу в подлинно народное движение. Получив известие о появившемся в Польше претенденте, Годунов строжайше запретил говорить о нем, и его имя шепотом передавалось из уст в уста. Произнести его вслух значило навлечь на себя кару в виде вырывания языка, сожжения на костре или насаживания на кол. Запреты и репрессии только укрепляли народ в мысли, что речь идет о настоящем царевице.

Вместо того чтобы двигаться к Москве кратчайшей дорогой, через Смоленск, Отрепьев вторгся в Россию с юго-запада. XVI век отмечен массовой миграцией населения на юг, к еще не освоенным территориям, с перспективой обретения земель и свободы. Депопуляция центра и запада страны приняла такие масштабы, что власти встревожились и усилили политику закрепощения крестьян: последним ограничили свободу передвижения и запретили уходить от помещиков. Крестьян превращали в рабов, хотя формально подобная практика была запрещена. Однако Московии, которая постоянно прирастала новыми территориями, требовалось оседлое население на юге для защиты границ. Поэтому часть казаков, бывших крестьян, бежавших от крепостного гнета и обосновавшихся на юге, снова попала в зависимость от мелкопоместных дворян и царя. Поддержка самозванца со стороны этих слоев населения была огромной.

Его успеху способствовала и удачная мистификация со спасшимся царевице, в которую поверили даже в окружении царя. Сам Басманов, командовавший войсками Годунова, был убежден, что они имели дело с настоящим царевице. Борис возвел Басманова в чин думного боярина как за незаурядные военные способности, так и за скромное происхождение, не в пример боярам и князьям, окружавшим царя. Но когда в награду за победу над претендентом царь пообещал ему руку дочери, да еще Казань с Астраханью и Сибирью в придачу, Басманов нашел столь щедрым посулам единственное объяснение: раз царь так напуган, значит, его соперник действительно царевице Дмитрий. Накануне решающей битвы он вместе со всей армией и обозом перешел в лагерь Дмитрия. Он останется верен ему до конца и умрет ради него 17 мая 1606 года, когда того низвергнут.

Рядом с несколькими другими самозванцами также можно заметить бояр и князей. Династический кризис, начавшийся со смерти Федора, развязал боярам руки, и избрания царем Годунова оказалось недостаточным, чтобы их приструнить. Оставались недовольны роды, принадлежавшие к древней династии Рюриковичей: Мстиславские, Пушкины, Шуйские, Воротыньские и другие, и потуги Годунова добиться неограниченной власти окончились тем, что он настроил против себя большинство боярского сословия.

На сторону лжецаревичей переходили и многочисленные мелкие дворяне, нередко разорвавшиеся из-за крупных собственников, которые забирали у них крестьян. Несколько военачальников из армии Бориса, плененных мятежниками, были помилованы в обмен на службу Дмитрию. Царские войска, расквартированные в Рыльске, были значительно сильнее войск самозванца, но люди царя не знали, что им придется противостоять мятежникам. Им сообщили, что нужно отразить вылазки польского короля. Лжедмитрию оставалось лишь подтвердить эту версию, отправив к ним поляка, который нарочно сдался в плен и «признался»: да, к Рыльску движутся польские войска численностью 40 тысяч человек. В последовавшем беспорядочном бегстве царская армия оставила врагу оружие, продовольствие, пленных и обширную территорию. Часть командного состава и многие простые солдаты влились в армию Дмитрия. В июне московское население восстало против Федора Годунова, унаследовавшего царский престол от отца. Столица сдалась «сыну Ивана IV».

ЦАРЬ УМЕР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЖЕЦАРЬ!

Ходили упорные слухи, что Дмитрий жив: характернейшее явление для русской истории, где почти ни один правитель (включая Ленина) не избежал «посмертной» жизни. Чем плотнее атмосфера насилия и тайны окружала кончину царя или царевича, тем упорнее были слухи о его чудесном спасении. Дмитрий погиб насильственной смертью: тело изуродовали так, что лицо было невозможно узнать; труп поволокли на Красную площадь, где над ним еще три дня продолжалось надругательство. На голову лжецаревича надели маску, тело вымазали дегтем. Публичная демонстрация мертвого тела, призванная убедить москвичей, что «царь» убит, произвела обратный эффект. Труп был обезображен до неузнаваемости: никаких доказательств, что он принадлежал свергнутому царю, не существовало. Народ чутко прислушивался к толкам о его спасении. Стали поговаривать о таинственных «явлениях», свидетельствующих о его связи с потусторонними силами, и погребение тела не смогло рассеять сомнения. Пошли слухи о том, что «мать сыра земля» отказалась принимать тело, зная, что это не Лжедмитрий. Отчаявшись, Шуйский приказал сжечь труп самозванца. Тут же распространился слух, что его тело в огне не горит. Смешав пепел с порохом, люди Шуйского зарядили ими пушку и выстрелили в сторону западной границы, откуда явился Дмитрий. Но все без толку. Народ тут же придумал свою версию событий: дегтем тело вымазали якобы для того, чтобы оно лучше сохранилось, а сжечь решили, поскольку бояре поняли, что снова ошиблись.

ФУНКЦИЯ ЛЖЕЦАРЕВИЧЕЙ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Отчасти путь Отрепьева, начиная с нищей юности и заканчивая московским престолом, нам известен. Домашний прислужник у Романовых, а затем у князя Черкасского, он принял постриг под именем Григория, а впоследствии сумел войти в окружение патриарха Иова. Позднее он отрекся от духовного сана и поступил на службу к Константину Острожскому, городскому воеводе и непримиримому врагу католиков, чей дом служил пристанищем всем антипапистам, будь то реформаты или кальвинисты, тринитарии или арианцы. Современники рисуют Лжедмитрия человеком пытливого ума и страстным любителем книг. Вероятно, сначала он примкнул к анабаптистам, потом решил отправиться в Гошу, оплот арианства. Там он обучился латинскому и польскому языкам, военному искусству и той веротерпимости, которая будет вызывать такое изумление у москвитов. На момент смерти ему было всего двадцать пять лет. Он был человеком сильной воли и до конца сумел сохранять самостоятельность.

В 1607–1610 годах против Василия Шуйского выступил Лжедмитрий II. По некоторым сведениям, до указанных событий он служил учителем у православного священника, который застал его в объятиях своей жены и в наказание велел высечь плетью. Живя в Стародубе, он первое время выдавал себя за племянника Дмитрия, утверждал, что последний не погиб и что его появление не за горами. Устав от долгих ожиданий, народ возмутился, и чтобы избежать гнева толпы, новый самозванец сам назвался Дмитрием. К Стародубу подтянулись польские, украинские и казачьи войска. Амбиции этого Лжедмитрия не соответствовали его возможностям: он оставался лишь орудием в руках разных группировок, состоявших из казаков, дворян, поляков.

Чуть больше мы знаем о жизни «царевича Петра», признавшегося под пытками, что он Илья Коровин из Муром. Ребенком потеряв отца и мать, он рано познал нужду, покинул родной город, скитался по берегам Волги и, сделавшись казаком, сумел добиться повышения своего социального статуса. Терские казаки провозгласили его царем, рассудив, что, поднимаясь по Волге под предводительством новоиспеченного наследника, они смогут получить куда больше, чем грабя турецкие суда. Илья бывал в Москве, его городское происхождение, равно как и знание северных городов, снискали ему некоторую популярность и вне казачьей среды. И вот он оказался в роли «царевича Петра» во главе четырехтысячного казачьего войска. Представившись «сыном» царя Федора, он написал своему «дяде» Лжедмитрию, который, в свою очередь, пригласил его в Москву. Но «семье» не суждено было воссоединиться: узнав в пути о падении «дяди», «племянник» остановился в Самаре.

За исключением Лжедмитрия I всех самозванцев в Смутное время ждал быстрый крах. Илейко Муромец сдался Шуйскому, который, не сдержав слова, подверг его жестоким пыткам. Похоже, такой же участи удостоился Лжедмитрий III (некто Исидор из Пскова), попав в руки московской знати. Несколько других претендентов на престол были убиты сподвижниками или соперниками. В 1607–1608 годах ряд царевичей по собственной инициативе или по наущению толпы пытались связать себя с Лжедмитрием II. Последнего они называли своим «дядей», выдавая себя за «сыновей» царя Федора, единокровного брата царевича Дмитрия. Дядя поспешил избавиться от конкурентов, приказав повесить нескольких таких царевичей, от которых до нас дошли лишь имена – Федька, Август и др. Часть кандидатов, в их числе и Лжедмитрий II, были убиты теми же казаками, которые совсем недавно провозглашали их царевичами.

Шаткость положения самозванцев в Смутное время наводит на мысль, что они были не более чем символом, призванным легитимировать массовые движения, участники которых преследовали собственные цели. Если во время похода Отрепьева проявилась индивидуальность характера этого лженаследника, возглавившего крайне социально неоднородную коали-

цию, то при Лжедмитрии II роль претендента на престол значительно ослабла – и напротив, возросло значение различных сил, вовлеченных в его авантюру. В случае же «царевича Петра» эти силы уже сами диктовали ему свою волю. Быстрый переход от примата роли личности к первичности коллективных действий показывает, что разные слои населения были восприимчивы к чужим мистификациям, но в то же время способны были брать инициативу в свои руки.

КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНИЦА

Казачи сыграли решающую роль в трех крупных восстаниях: Лжедмитрия, Разина и Пугачева. Они не были единственной силой, представляющей эти движения, но обеспечили их военной поддержкой, без которой восстания не охватили бы значительную часть территории.

Действия Лжедмитрия I вписались в давнюю традицию участия казаков в династических распрях: уже не один век узурпаторы и самозванцы из их среды оспаривали друг у друга права на молдавский престол. Находясь в зависимости от Османской империи, Молдавское княжество стало ареной столкновений между поляками, турками и казаками. С конца XV и до начала XVII века около двух десятков авантюристов с «легендарными» родословными отметились в борьбе за молдавский престол. Они пользовались поддержкой иностранных дворов и нередко вставали во главе войск, где не последнее место занимали казаки и поляки. В ответ на просьбы Порты оказывать претендентам всяческую поддержку польский двор сообщал великому визирю, что казаки – этот «неуправляемый сброд», по выражению короля Стефана Батория, который никому не хочет подчиняться. Некоторым претендентам удалось-таки взойти на молдавский престол. Местная система престолонаследия благоприятствовала появлению узурпаторов, поскольку не предусматривала права первородства и незаконнорожденные дети тоже могли притязать на трон.

В конце XVI века на южных и западных рубежах и окраинах России бушевали битвы претендентов на местные престолы, а в самой Москве постепенно складывались условия для появления первых лжецаревичей. Когда распространился слух о том, что царевич Дмитрий жив, никого не должно было удивлять, что этот Дмитрий – настоящий или подложный – «объявился» на Украине. Историк Н. И. Костомаров писал, что любой, кто назвался бы на Украине царевичем Дмитрием, мог рассчитывать на поддержку казаков. Лжедмитрий I знал, что делает, избрав Польшу и Украину местом для откровений о своем царском происхождении и сбора армии.

Феномен лжецарей зародился на территории, находящейся на пересечении путей между Османской империей, вассальными ей балканскими княжествами, Польшей и Москвой. На этом перепутье жили казаки – свободные люди, отличавшиеся крайней воинственностью, настоящий «рассадник претендентов на престол», по выражению Николае Йорга.

Смутное время закончилось в 1613 году избранием на царство первого Романова и укреплением трона. Однако это не помешало выходу на сцену новых лжецарей и лжецаревичей, история которых растянулась на века. Не будучи прямым следствием династического кризиса, вызванного смертью царя Федора, и не исчерпав себя с началом новой династии, это явление стало зеркалом самодержавия.

Так что же в системе самодержавного управления сделало принципиально возможными мистификации самозванцев? Что обусловило многократное появление двойников самодержцев? Особенность данного феномена коренится в девиациях царствования Ивана IV. С этих девиаций и нужно начать, ведь если подложный царь – противоположность и обратная сторона царя настоящего, это не может не быть связано с той инверсией норм, которой ознаменовалось установление самодержавия и которое предшествовало появлению самозванчества.

Глава II. САМОДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ: ИНВЕРСИЯ ЗНАКОВ, НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ

[На Западе] король оставался королем, а пастырь – пастырем. Пастырь оставался человеком, осуществляющим мистическую власть, король – тем, кто осуществлял власть имперскую. <...> Этот водораздел – серьезная историческая проблема, а лично для меня – загадка <...>. Мне представляется, что если мы бросим взгляд на восточное христианство, то увидим здесь совсем другие процессы и другой тип развития; гораздо большее взаимопроникновение обеих властей, быть может, даже утрату самобытности каждой из них.
Мишель Фуко. Лекция 15 февраля 1978 года

Как явствует из эпиграфа, Фуко видит загадку именно в западной цивилизации. Отвергая привычное представление об очевидности различия между светской и духовной властью, Фуко применяет прием остранения в отношении западной истории, чтобы сделать ее более понятной. Впрочем, попытка осмыслить, как на русской почве соотносится власть над душами, с одной стороны, и власть над телами и вещами – с другой, восходит к западной традиции. Русская политическая теология, вернее, то, что перешло из православного богословия в структурную идентичность концепции самодержавного правления, по-настоящему самобытно. Объект действий и устремлений этой идеологии один – спасение. Мистическое и имперское сливаются в ней воедино. Через эту самобытность мы, может быть, лучше поймем «загадку» двух властей на Западе.

КАК РЕКОНСТРУИРОВАТЬ МИР, КАНУВШИЙ В НЕБЫТИЕ?

Чтобы разобраться в стиле правления Ивана IV, нужно отбросить мысль об обособленности политической деятельности от религии и права. Юридические процедуры опирались не на правовую норму как таковую, но на веру, то есть желание уловить и понять Божью волю. Как пишет Б. А. Успенский, между правом, верой и моралью не было четкой границы, то есть право не обладало особым статусом, считалось не сводом правил, основанных на консенсусе, но частью вселенского порядка, установленного Богом. То же соображение следует применить и к политике, которую вобрала в себя религия. Дениэл Роуленд показал, что летописи представляют советника монарха ветхозаветным пророком, апеллируя к предсказаниям, морали, религии – только не к политике. Современные историки и лингвисты стремятся воссоздать религиозный и символический контекст, в котором самые эксцентричные, на первый взгляд, деяния царя получали бы рациональное объяснение. В своей блестящей работе – герменевтическом исследовании языка российского монарха и элит до XVIII века – А. Л. Юрганов рассмотрел весь комплекс отношений между царем и его подданными в рамках религиозного поля: претендуя на роль исполнителя воли Бога, царь требовал для себя безграничной власти для наказания грешников и установления истинного богопочитания, дабы спасти свою душу и души грешников, которых он обрекал на смерть. Подобный подход позволяет увидеть смысл в систематической замене знаков на противоположные; смысл, недоступный пониманию современного человека.

ИНВЕРСИЯ ЗНАКОВ

Иван IV разработал целую стратегию переворачивания. В итоге граница между истинным и ложным стала трудноразличимой. Иван считал себя единственным, кому позволено так поступать, но, как и большинство других властителей, не подозревал, что лишится этой монополии: во многом благодаря ему «изнаночный» мир стал реальностью, в которой главную роль играл народ.

Трон. В 1575 году Иван разделил Московию на две части, оставив престол Симеону Бекбулатовичу, объявленному царем и великим князем. То, что Москва утвердилась в качестве главного русского княжества в ходе борьбы с татаро-монголами, не помешало первому московскому царю возвести на русский престол правнука Ахмата, хана Золотой орды, лишь за три года до этого перешедшего в православие. Симеон оставался на русском троне около года, и когда Иван решил возвратиться на царство, он сопровождал уход Симеона всеми возможными почестями, включая исключительное право на владение престижным Тверским княжеством.

Самодержавие. Интронизация Симеона является примером тройной инверсии нормы. Во времена татаро-монгольского ига ярлык на великое княжение московские князья получали от ордынского хана. Теперь же, напротив, русский властитель назначил великим князем татарина. Вспомним к тому же о послании ростовского архиепископа Вассиана Рыло, отправленном в 1480 году деду Ивана Грозного Ивану III, где обосновывается превосходство его, «христианского царя», над монгольским ханом, который не был поставлен Богом, но «самому называющемуся царю». К Симеону Бекбулатовичу не только перешел по наследству титул монгольского «царя», он был ни больше ни меньше внуком хана, о котором говорил Вассиан Рыло. Впрочем, для Ивана IV тогда остро стоял вопрос об обосновании своего царского сана, и он пытался возвести его на обломках византийской и монгольской легитимности. И наконец, несмотря на ликвидацию последних уделов, Иван, вернувшись к власти, восстановил Тверское княжество, чтобы одарить им Симеона.

Террор. В 1565 году царь разделил страну на две половины: опричнину, находившуюся под его прямой властью, и земщину, подчинявшуюся боярам, которых назначал он сам. Было разделено и население: те, кому не посчастливилось войти в состав опричнины, должны были оставить свои земли и имущество и переместиться на территорию земщины. Даже Москву поделили на две части. С 1565-го по 1572-й, год запрета опричнины и отмены раздела, страна перенесла несколько волн жесточайшего террора, развязанного царем. В 1575 году Иван снова разделил Московию надвое, но та часть, которая оставалась под его властью, отныне стала называться двором, тогда как земщина была отдана в распоряжение царя Симеона Бекбулатовича. Восстановление опричнины под названием «двор» и возведение на престол Симеона являются собой два события, по сути составляющих одно целое: этим актом Иван связал насилие, олицетворяемое опричниной, с переворачиванием норм, воплотившемся в интронизации Симеона. Смысл того и другого явления можно понять лишь переместившись в плоскость религии, одержимой одной мыслью – мыслью о Страшном суде.

В монастыре, расположенном в Александровской слободе, царь и его опричники облачались в одежду монахов и называли друг друга братьями. Они носили черные монашеские одеяния и пасторские посохи, но при этом были вооружены. Царь служил игуменом, Малюта Скуратов, один из самых жестоких предводителей опричников, – пономарем; все соблюдали монастырский устав: часы, службы, запрет на хождения по кельям. Этот ритм время от времени прерывался на несколько часов, в течение которых лжемонахи во главе с Иваном IV мучили и казнили своих жертв, а также устраивали пиры, где, надев маски, предавались разгулу. Князь Михаил Репнин осмелился заметить, что ношение личин противоречит церковным правилам, и бросил на землю маску, которую царь велел ему надеть. Через несколько

дней он был убит опричниками прямо у алтаря во время чтения Евангелия. Царь словно стремился предстать антиподом праведного слуги Господа, каким ему полагалось быть: он плясал, носил личину, наряжался монахом, проливал кровь в храме, называл свои уделы и своих подданных богомерзкими именами и придавал им богопротивный вид. Князь Курбский, бежавший в Польшу, писал, что Иван «самого Диявола волю исполнил <...> избравши себе пространны Антихристов путь». Противники Ивана, а позднее – некоторые авторы, связанные с Церковью, обыгрывали значение слов, введенных в обиход царем, в первую очередь «опричнины», уподобляя слуг Ивана IV служителям дьявола. Попытка связать опричников с воителями сатаны (кромешниками) была не просто игрой слов, вдохновленной одинаковым значением их корней. Она возвещала о переворачивании норм царем, который сделал все, чтобы его действия невозможно было истолковать иначе. В начале XVII века дьяк Иван Тимофеев, описывая по заказу Церкви события последних десятилетий, писал, что Иван Грозный дал своим воинам «подобные тьме знаки <...>; всех своих воинов он во всем уподобил бесподобным слугам». Изобретенное Иваном слово «опричник» транслировало тот же смысл, что и слово «инок» (ср.: опричь, иначе). С их помощью он намеревался очистить подданных и превратить их в мучеников за веру, открыв им, что они – избранный народ. Насилие было важным элементом движения к новому Иерусалиму, что не исключало других его аспектов: террор мог использоваться для экспроприации земель у бояр и монастырей, рационализации работы правительственного аппарата, ликвидации многих аристократических родов. Царь придумал разветвленную систему символов, призванную представить опричников в роли Божьего воинства, резко противопоставленного всему остальному грешному населению. Митрополит, возглавивший процессию, которая пришла молить Ивана Грозного о возвращении на трон, обратился к нему со словом «святитель», как принято было называть епископов, что фактически означало признание царя пастырем и высшим руководителем Церкви.

Однако в 1571 году идея опричнины потерпела фиаско: некрещенные варвары, крымские татары, совершили набег на Русь и разграбили Москву. Это было воспринято как Божья кара, вызванная неспособностью опричников очистить от скверны русскую землю и самих себя. Раз опричники не смогли помешать татарам разорить Москву, Иван Грозный возвел на московский престол татарина Симеона и возродил опричнину, но под новым именем – «двор». Новый раздел Московии и возвышение Симеона включаются в контекст спасительной миссии царя, какой ее видел Иван Грозный, и это находит отражение в источниках.

ЦАРЬ И ЮРОДИВЫЙ

Но что было такого в религии, определявшей мировоззрение царя, что позволяло ему преступать заповеди Церкви? Чтобы придать сакральный характер богохульству, пишет Присцилла Хант, царь должен был освятить творимое им насилие, то есть придать ему вид, который бы полностью переворачивал представления о нем непосвященных. Речь шла не о простой трансгрессии: Иван считал себя непосредственно связанным с Богом, а всех других числил грешниками. Следовательно, обычные люди могли судить о его действиях лишь по их оборотной стороне. В восточном христианстве существовал образ, в который подобные действия и мысли вполне укладывались: поступки царя перестают казаться святотатством, если рассматривать их через призму юродства во Христе, а самого Ивана считать юродивым.

Иван Грозный не раз отождествлял себя с представителем этой крайней формы аскезы, характерной для восточного христианства, формы, где все действия проходят под знаком переворачивания норм. Юродивые занимаются самоуничижением, прикидываются дурачками, отказываются от участия в жизни общества и от земных благ. Взамен они могут, не боясь последствий, хулить существующие порядки и государственных мужей и изобличать произвол властей предрежащих. В Москве юродство достигло апогея в XVI веке; по мнению отцов Церкви, оно относилось к числу явлений, свидетельствующих о превосходстве веры, которая одна может открыть путь к божественной истине. Неспособный постигнуть откровение разум обречен видеть в юродивых лишь внешнее: нелогичное поведение, одержимость бесами, нарушение норм, установленных Церковью, скандалы, которые они учиняли в Божьих храмах, и смех, бесовский по сути, который они вызывали своим видом. Сплошные святотатства, если судить о них с рациональной точки зрения. Но что бы ни делали юродивые – расхаживали по улицам голыми, оскорбляли прохожих, швыряли камни в церковь или выбрасывали из окна вино, которым их одарил царь, – каждый раз они, по общему мнению, изобличали грешника, совершали шаг к искуплению души, изгоняли бесов, приблизившихся к Божьему храму, тушили пожары. Юродивые действовали через отрицание, уча добродетели через отвращение к жизни. Раз люди приписывали их поступкам такой смысл, значит, верили, что через «перевернутые» знаки можно обрести Божественную истину. В русской традиции юродивыми становятся не по собственной воле, но по воле Господа. Их поведение олицетворяет идею предопределенности. В агиографии юродивых сравнивают с Иисусом Христом.

Тридцать шесть юродивых были причислены к лику святых (четверо в XIV веке, одиннадцать – в XV, четырнадцать – в XVI, семь – в XVIII веке). В истории русской мирской святости великие князья отходят в тень перед юродивыми – так же, как в политической истории той эпохи они уступают место царям. Связь между юродивыми и царями была тогда вполне наглядной: у последних Рюриковичей и первых Романовых был свой юродивый, живший с ними в дворцовых палатах. Эта нарочитая, выставляемая напоказ близость монарха с юродивым восходит к очень древнему культурному архетипу – отождествлению царя с изгоем. «Игра в царя», отождествление первого человека с последним, представление о взаимозаменяемости их мест – очень распространенная в древней Руси концепция, чьи отзвуки можно найти в литературном сюжете о том, как царь лишается всего, оставшись нагим и нищим, подобно юродивому, а потом возвращает себе власть. О том же свидетельствует и агиографическая литература, где один юродивый меняется местами с Иваном Грозным, а другому в видении мнится, что он пребывает в раю, облаченный в царскую одежду. Когда в 1570 году Иван IV обрушил свой гнев на новгородцев, от подобных действий его предостерег юродивый, тем самым добившись прекращения кровопролития. Вслед за этим царь предпринял поход против Пскова, еще одного города, обвиненного в измене, и его спасение традиция тоже приписывает вмешатель-

ству юродивого, Николы Салоса. Если верить немецким наемникам, служившим в опричном войске, после увещевания Николы царь ушел смущенный и пристыженный.

В 1573 году Иван написал письмо в Кирилло-Белозерский монастырь, настоятель которого просил царя рассудить спор, разделивший монахов на две партии. В своем ответе царь, сославшись на апостола Павла, объявил, что уподобится юродивому и будет говорить не как господин, имеющий над ними власть, но как раб, подчиняющийся их воле. В первом послании коринфянам (1-е Кор. 4:9–13) Павел, размышляя о братоубийственных распрях среди членов Коринфской церкви, превозносил свою слабость и отрешенность от мира, дабы преподать миру свой урок: «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти <...>. Мы безумны Христа ради». Традиционно именно в этом отрывке видят обоснование юродства. Иван Грозный, новый апостол Павел, пытался обосновать свое право быть юродивым.

В 1570 году появилось сочинение Грозного, подписанное его настоящим именем: «Ответ царя Яну Роките». Через несколько лет он выпустил «Послание к неизвестному против лютеров». На этот раз он подписался Парфением Уродивым, псевдонимом, полном символического смысла: «уродивый» – старинная форма слова «юродивый». Этот псевдоним сам по себе был объяснением, которое царь давал собственному поведению. Его бесчисленные браки могли показаться святотатством только со стороны: если он вел себя подобным образом, то только потому, что его действия были продиктованы святостью. Впрочем, и сам брак мог иметь последствия только для других: разве он сам не оставался целомудренным? Ведь личное имя Парфений в псевдониме, выбранном Грозным, представляет собой славянскую форму греческого слова *parthenikós*, означающего «девственник». Христианские мыслители еще с античных времен считали целомудрие мостом, соединяющим небо и землю: *parthenia* («девственность») напоминала о святой Фекле, помогала человеку приблизиться к божественному, ибо сам термин происходил от слов *para to theion* («рядом с Богом»). В византийской традиции, продолжательницей которой считала себя Москва, бытовало представление о двух телах императора, причем целомудрие соотносилось именно со *священным телом монарха*. Попытка распространить целомудрие также и на брачную жизнь царя представляла концепцию власти, согласно которой *у властителя вообще нет человеческого тела*.

Опричники были одновременно и монахами, и воителями юродства, что давало им право преступать закон. Но даже если крайности правления Грозного и были чем-то из ряда вон выходящим, сближение царя с юродивым стало в России XVI–XVII веков общим местом. Взаимозаменяемость их ролей была возможна, и, самое главное, это было известно.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ЦАРЯ

Переворачивание норм нужно было производить публично, на виду у подданных. Побывав на пиру, устроенном новгородским архиепископом Пименом, дабы смягчить гнев царя, Иван Грозный приказал ему снять с себя тиару и священнические одежды и лишил его сана архиепископа, сказав: «Тебе не подобает быть епископом, а скорее скоморохом. Поэтому я хочу дать тебе в супружество жену». Он дал ему в руки волынку и бубны, велел привести кобылу и сказал бывшему архиепископу: «Получи вот эту жену, влезай на нее сейчас, оседлай и отправляйся в Московию и запиши свое имя в списке скоморохов».

Здесь решение царя передано на языке мира, вывернутого наизнанку: в качестве кары выступает обратное переодевание (на пирах в епископскую одежду обряжались миряне), что отнюдь не смягчает суровости наказания – скорее наоборот. Царь делал свои решения понятными для наблюдателей, используя известный всем символический язык переворачивания норм. Он ритуализировал свои публичные действия и общался с народом без посредников. Через несколько десятилетий Иван Тимофеев, описывая «подобные тьме знаки», коими Грозный отметил своих опричников, и вспоминая об ужасе, который они внушали, подчеркивал, что практика переворачивания норм свидетельствовала о «природе» царского произвола, осуществлявшегося так, чтобы его суть была понятна каждому: что для других считалось бы святотатством, дозволено царю. Отождествление последнего с юродивым транслировало тот же посыл: царь может быть лишь объектом веры, недоступной разуму.

Иван придумывает язык, который понятен всем, но использование которого оставалось его исключительным правом, поскольку только он мог определять значение каждого знака.

У ИСТОКОВ ЦАРСКОГО ТИТУЛА

В официальной доктрине представление о царском престоле было выражено предельно четко: царь может иметь как божественное, так и дьявольское происхождение («лжецарь»). Симеон не был Рюриковичем; на московский престол его поставил царь Иван, а не Бог. Однако он не воспринимался ни как дьявол, ни как «лжецарь». Рассмотрим ряд примеров из фольклорных источников, свидетельств народной памяти, официальной истории борьбы за власть и из норм права, позволяющие выявить значение и последствия поведения Ивана Грозного.

Фольклор XVI века знает множество произведений, посвященных теме «царь и народ». В цикле песен об «Иване Грозном и разбойниках» главный герой, напоминающий Илью Муромца, встает на пути разбойников, похитивших монастырские сокровища. Он выходит победителем из схватки, но вместо того чтобы вернуть богатства церкви, забредает в кабак (а это уже акт богохульства!) и угощает всех посетителей вином. После подозрения в краже монастырских сокровищ его арестовывают и подвергают порке. Но, узнав о битве с разбойниками, Иван Грозный решает освободить богатыря и награждает его крупной денежной суммой, возместив ущерб от несправедливого обвинения. Как видим, фольклорный Иван не только оправдывает двойное святотатство – пьянство и воровство: он действует вопреки юридическим нормам, которые предусматривали возмещение ущерба только жертвам ложных обвинений. Богатырь, покусившийся на церковное имущество, должен был считаться преступником, потому что, отняв сокровища у разбойников, не только не вернул их в храм, но попросту пропил.

Рассказ о восшествии на престол Симеона в изложении английского врача Сэмюэля Коллинза дает представление о том, каким представляли себе москвиты Ивана IV через сто лет после описываемых событий. С годами коллективная память многое изменила, но мотив инверсии усилился еще больше. Говорили, что Иван обратился к Симеону с челобитной и просил у него двести тысяч войска, получив которых взял Казань. Взятие Казани имело в русском фольклоре конкретный смысл: именно благодаря ему Грозный добился права носить титул царя. Таким образом, в коллективной памяти инверсия – не только необходимое средство для победы царя, она находится у истоков царского звания как такового.

Легитимность краткого пребывания Симеона на московском престоле подтверждается юридическими нормами: даже век спустя его жалованные грамоты неизменно рассматривались как правовой прецедент при разрешении тяжб. Но в соответствии с официальной политико-религиозной доктриной в Симеоне следовало бы видеть шута, обрядившегося царем, то есть «лжецаря». Однако судьба Симеона предопределила весьма определенное толкование его роли. Когда Иван Грозный в 1576 году вернул себе трон, Симеон не только не впал в немилость, но получил титул великого князя Тверского – убедительное доказательство его высокого статуса, – а в 1577 году, во время войны с Ливонией, занял второе после царя место в военной иерархии. Когда царь в очередной раз удалился в Александровскую слободу, Симеону было поручено заниматься текущими делами Московии. Его положение резко изменилось после смерти Ивана. В 1586 году, когда ничто не указывало ни на какое-либо его участие в дворцовых интригах, ни на малейшие притязания на трон, Борис отобрал у него Тверское княжество. В 1595-м, когда последний готовился вступить на престол, Симеон ослеп и обвинил Бориса, что тот его отравил. Борьба разных кланов за престол в любую минуту грозила перерасти в открытую войну, поэтому нужно было считаться с московским населением. Ввиду этой перспективы соперники Бориса должны были противопоставить ему кандидата, чью легитимность можно отстаивать публично. Некоторые роды не уступали Борису Годунову по знатности и чинам. Шуйские, потомки великого князя Александра Невского, Романовы, к которым принадлежала Анастасия, первая жена Ивана Грозного, Мстиславские, связанные родством

с отцом Ивана. Даже присутствие Марии Старицкой, племянницы Грозного и вдовы «короля» Магнуса, чей монарший титул был придуман царем, тяготило Годунова, и он заставил ее принять постриг. Почему же он боялся Симеона? По версии С. М. Соловьева, причина заключалась в том, что Симеон не только носил титул царя и великого князя, но какое-то время правил в Москве по воле самого Ивана Грозного. Симеон обладал еще двумя преимуществами: он не имел деспотических наклонностей и был женат на дочери первого боярина Ивана Мстиславского. Он стал бы царем с ограниченной властью; такой кандидат устраивал значительное число бояр и знати. Даже венчавшись на царство, Борис не перестал видеть в Симеоне угрозу, несмотря на то, что последний ослеп, лишился двора и был сослан в провинцию. Удивительно, но даже в текст присяги, которую подданные приносили Борису, были включены слова о том, что нельзя желать, чтобы царь Симеон Бекбулатович, его дети или кто-либо еще из его рода взошел на престол; что нельзя ни думать, ни помышлять о них, равно как вступать с ними в дружеские или семейные отношения, а также нельзя общаться с царем Симеоном и злоумышлять против власти письменно или устно. В 1605 году, после смерти Бориса, в текст присяги его сына Федора снова был включен обет не желать восшествия на престол Симеона Бекбулатовича. Едва Лжедмитрий в 1606 году вступил в Москву, он реабилитировал жертв Бориса, включая Симеона, который, впрочем, отказался признать его сыном Ивана. Тогда его постригли в монахи и заточили в Кирилло-Белозерский монастырь. Это решение кажется лишь ответной мерой и не выдает особого страха Дмитрия перед Симеоном. В том же году во время беспорядков, сопровождавших свержение Лжедмитрия, кучка вооруженных сторонников Василия Шуйского провозгласила последнего царем, хотя сама церемония лишь отдаленно напоминала прошлые земские соборы. Через девять дней после захвата власти, на фоне освобождения жертв произвола Лжедмитрия, Василий подписал указ, обрекавший Симеона на заточение в Соловецкий монастырь, на самом севере Руси. Даже через тридцать один год после своего восшествия на престол Симеон Бекбулатович оставался опасен для новых царей. И лишь с воцарением первого Романова он наконец был помилован. Старик попросил позволения поселиться в Кирилло-Белозерском монастыре, где и скончался три года спустя, в 1616 году.

Судьба Симеона во время династического кризиса выявляет значение случившегося в 1575 году: восшествие на престол было освящено божественной легитимностью, поскольку подлинный царь может прийти к власти лишь по Его выбору. Другими словами, устроитель этого «маскарада», первый русский царь, в глазах подданных занял место Бога, так как был правомочен выполнять те функции, какие считались прерогативой последнего. *В момент становления русского самодержавия царя с Богом связывали изоморфные отношения.*

ИНВЕРСИЯ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ

Традиционное перенесение на самодержавие характеристики «абсолютистская», которую применяют к французской монархии XVII века, вызывает множество вопросов. Во времена Ивана Грозного Франция представляла собой «умеренную» монархию, где законодательная правоспособность короля и отправление им властных полномочий были уже не первый год ограничены совещательными функциями, которыми наделялись промежуточные органы управления королевства. Знаменитые ордонансы XVI века явились реакцией на требования генеральных штатов. Развитие права привело к торжеству закона, которое, безусловно, стало результатом усилий «абсолютного» монарха; но монарх был абсолютным только в том смысле, что всегда имел возможность, действуя в законной форме, издать новый закон, отменявший действие старого. Ни идея управления русским государством XVI века, ни ее воплощение не позволяют уподобить Думу или Земский собор французским государственным институтам той эпохи. Со времени появления «Республики» Жана Бодена (современника Ивана IV) король не мог принимать тот или иной закон по своей прихоти: он должен был уважать, с одной стороны, природные и божественные законы, а с другой – «фундаментальные законы королевства». Французская концепция абсолютной монархии даже отдаленно не напоминает произвол.

В Московском царстве переворачивание норм с ног на голову производилось ради их укрепления: лишая себя видимых атрибутов власти на время правления Симеона, Иван подчеркивал свое право на царствование, предопределенное Божьей волей, и тот факт, что это право не обусловлено никакими формальными качествами. Инверсия делает невозможным ясные и позитивные критерии легитимности поведения царя.

Переворачивание норм – это способ управления людьми, лишаящий их возможности оценивать такое управление. Именно так работает модель самодержавного господства.

Одним из самых непредвиденных последствий царствования Ивана Грозного стало коллективное освоение приемов, стирающих грань между настоящим и ложным. *Умышленное стирание границы между ними предопределило структуру самодержавия, наполнив ее концептуальным содержанием, которое веками оставалось неизменным.*

Глава III. ВЫМЫШЛЕННЫЕ РОДОСЛОВНЫЕ

Стирание границы между истинным и ложным выражалось также в мифологизации родословных царя и знати, а также истоков царского титула. В Москве XVI века царский титул был поднят на невиданную прежде высоту, а сочинять мифические родословные стало обыденной практикой.

РОДОСЛОВНАЯ ЦАРЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕГО ТИТУЛА

Поиск великих предков был для европейских аристократов и монархов общим явлением, что не исключало местных особенностей. Царский титул должен был, с одной стороны, символизировать равенство великого князя с германским императором, а с другой – полный суверенитет Московского государства. В соответствии с представлениями той эпохи подобная легитимность зависела от степени благородства и древности княжеского рода. Чтобы стать королем, нужно было быть человеком королевских кровей. Чтобы стать «королем королей» – императором или царем, – нужно было вдобавок быть коронованным представителем какого-нибудь легитимного органа: на католическом Западе таковым являлся папа, на православном Востоке – константинопольский патриарх. Что касается суверенитета государства, то его обоснование покоилось прежде всего на древности происхождения и преемственности институтов. Прошлое выступало на передний план.

Для того чтобы доказать древность своего рода, московские государи объявили о династическом правопреемстве, связывавшем их с киевскими князьями, что позволяло также претендовать на Киев, Чернигов и прочие земли, еще не подчинившиеся Москве. Отстаивать эту концепцию было, впрочем, небезопасно, поскольку еще в XV веке воспитатель детей польского короля Казимира IV Ян Длугош выдвинул идею о том, что Киев основан польским князем: если Москва считала себя правопреемницей Киева, Польша могла предъявить права на Москву. Мало того, в Литве придумали легенду, согласно которой основателем литовского королевства и литовской династии был некий Полемон, наместник императора Нерона. После того как поляки стали претендовать на старшинство, а литовцы – на римское происхождение, московским князьям как потомкам князей киевских оставалось только признать себя подданными польских и литовских правителей... Неслучайно именно в конце XV века в Московии на повестке дня оказываются вопросы о титуле византийского императора и связях с императорским Римом. Сохранился целый ряд текстов того времени, сочиненных на актуальную тему: «Сказание о Вавилонском царстве», «Повесть о белом клобуке», «Степенная книга». Наиболее полно официальная версия изложена в «Сказании о князьях Владимирских», сочинении первой половины XVI века. В этих текстах обосновывались официальная родословная московских государей и происхождение их власти. Императору Августу придумывают мифического родственника, Пруса, которому он якобы даровал земли в бассейне Вислы, то есть современную Пруссию. Впоследствии к Рюрику, «потомку Пруса» в четырнадцатом колене, прибыло посольство от новгородцев с просьбой занять место их недавно скончавшегося правителя. От Рюрика пошла династия Рюриковичей, которые правили сначала в Киеве, затем во Владимире и, наконец, в Москве. Иван III в конце XV века провозгласил себя прямым потомком – через Рюрика – римских императоров, позднее то же сделали Василий III и Иван IV, внук Ивана III. Эти мистификации давали обоснование посягательствам Руси на балтийские земли, и им была уготована долгая жизнь. В 1672 году, стремясь упрочить легитимность своего титула, царь Алексей Романов в послании папе римскому ссылался на свое римское происхождение. В 1727 году о нем снова вспомнили во время коронации императора Петра II.

В «Сказании о князьях Владимирских» утверждается, что военное превосходство Киевской Руси вынудило византийского императора Константина IX Мономаха отправить к Владимиру Всеволодовичу Мономаху мирное посольство с подарками, в числе которых была и императорская корона, дававшая ему право с того самого момента именоваться «царем, венчанным Богом», причем это право распространялось на всех его потомков, занимавших русский трон.

В реальности, однако, все обстояло иначе. Князь Рюрик (IX век), по всей видимости, происходил из варягов, восточной ветви викингов. Ничто не указывает на его родство с киевскими

великими князьями, а следовательно, и с московским царствующим домом XV века. Что касается «византийского венца», то в действительности его изготовили в XIV веке в Центральной Азии и впервые использовали только во время коронации 1498 года. Киевские князья и правда с конца X века носили византийскую корону, но, в соответствии с византийской доктриной, она символизировала зависимость принявшего ее государства от империи. Поэтому можно допустить, что Владимир Мономах получил корону от Алексея I Комнина (годы правления 1081–1118), но, принимая ее, он лишь признал над собой власть византийского императора.

После освобождения от татаро-монгольского ига эти регалии изображались как символ равенства византийского и русского государей и как заявка великого князя на императорские притязания. С 1492 года великого князя Ивана III надлежало называть «царем и самодержцем всея Руси».

РОДОСЛОВНЫЕ ЗНАТНЫХ ФАМИЛИЙ

В 1555 году генеалогические древа, которые создали себе некоторые аристократические роды, были объединены в «Государев родословец». Значительное число этих родословных было придумано в период с XIV по XVI век. В пандан легендам о династии Август – Прус – Рюрик – великий князь Московский бояре и дворяне начинают находить у себя иноземные корни, в первую очередь прусские или литовские. Например, Захарьины (из которых происходила Анастасия, первая жена Ивана IV) называли себя потомками выходца из Пруссии Андрея Кобылы. Пушкины, Морозовы и Вешняковы твердили о своих немецких предках. В 1463 году некий Нарышко, уроженец Крыма, находившегося тогда в подчинении у татар, перешел на службу к Ивану III; его потомки, Нарышкины (производное от «нарыжка», дурной запах изо рта), к числу которых принадлежала и Наталья, мать Петра Великого, отыскали у Тацита упоминание о немецком племени наристов и приписали себе прусское происхождение. Даже в XVIII столетии представители знатных родов, таких как Романовы, Шереметевы, Колычевы и Кобылины, продолжали отстаивать версию о своих прусских корнях... Чичерины мнили себя потомками итальянцев (Чичери), но в их краях было известно похожее слово, обозначавшее «плохую погоду», «ветер», «мокрый снег». Историк В. Н. Татищев (1686–1750), чьи предки переиначили смысл родового имени, превратив «татище» («отъявленный вор», «ворище») в «тать ищи» («ищи вора!»), упоминает, что некоторые семьи считали своим прародителем Юпитера. Лыщинские, желая продемонстрировать благородство происхождения, возводили свой род к Озирису. В 1511 году великий князь своей грамотой подтвердил, что Еремеевы (Шереметевы) происходят от кельтской феи Мелюзины – на такое родство претендовали многие знатные семьи по всей Европе. Более скромные Потемкины довольствовались происхождением от Понтия, который в 321 году до н. э. во главе самнитского войска разгромил войско римлян. Юсуповы, состоявшие в родстве с Урусовыми, происходили от ногайских князей, но 19 января 1799 года императорским указом были объявлены «русскими князьями». Однако, несмотря на их подлинное княжеское происхождение, в XVII веке они прибегли к подлогу, истоки которого относятся, вероятно, к XV веку: было заявлено, что их род происходит от Мухаммеда и их предкам подчинялся весь мусульманский мир...

СМЫСЛ МИСТИФИКАЦИЙ

Обращение к истории с целью составить настоящие и вымышленные родословные ради легитимации своей власти – не специфически русское явление. И в Византии, и в средневековой Европе было принято искать в истории опору своей власти. Русские мистификации органично вписываются в тот мир, где испанские короли возводят свой род к Гераклу. Если сравнивать Московию с Западом, можно заметить совпадения в датах. «Летопись Чудова монастыря», в которой обосновывается преемственность между Прусом и Рюриком, была написана, по-видимому, в 1498 году; годом раньше францисканец Жан де Легонисса выступил с идеей о том, что французские короли происходят от царя Давида. В то же время, когда Иван Грозный объявил себя потомком римлян, в Англии поэты трубили о троянских корнях Елизаветы I и рассказывали об основании Новой Трои, впоследствии ставшей Лондоном, неким Брутом I, мифическим троянским героем, состоявшим в родстве с Энеем, сыном Афродиты и Анхиса, одного из центральных персонажей «Илиады». Современник Ивана Грозного король Франции Карл IX женился на другой представительнице троянского рода – Елизавете Австрийской, дочери императора Священной римской империи Максимилиана II: это ознаменовало объединение двух псевдотроянских королевских династий.

Мотивы, стоявшие за этими мистификациями, в обоих случаях одинаковы: русские летописцы XV и XVI века силились доказать преемственность между Рюриком и великим князем Московским, а французские ученые стремились обосновать связь меровингской, каролингской и капетингской династий. Когда русский монарх добивался, чтобы его признали царем, во Франции завели разговор о происхождении королевского рода от Приама. Сам император Священной римской империи Максимилиан был озабочен тем, чтобы придать достоверности своей мифической родословной, которую сочинил в 1507 году его советник Жакоб Меннелл, изобразив Максимилиана потомком Меровингов, а следовательно, троянского царя Приама. Эта мифическая родословная позволяла претендовать на родство с римлянами и часть их империи и поэтому активно использовалась на протяжении всего XV века. Сербские и болгарские государи «происходили» от римских императоров, в частности от Августа. То же можно сказать и о базилевсах, если верить «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, известной на Руси со второй половины XI века.

Как это часто бывает в истории, схожие явления, происходившие в разных цивилизациях, принимали в силу особенностей каждой из них свое определенное значение. В России обрисованные нами практики служат составляющими культуры господства, где граница между истинным и ложным становится все более и более зыбкой. *В контексте этой самодержавной структуры решается вопрос об идентичности индивида, будь то холоп или царь.*

Глава IV. ИЛИ ЦАРЬ, ИЛИ РАБ ЦАРЯ

*А жаловати есмя своих холопей вольны, и казнити вольны же есмя.
Иван Грозный – князю Курбскому*

С юридической точки зрения холопами являлись лишь некоторые подданные царя. Однако последний считал себя вправе распоряжаться жизнью любого подданного. Неслучайно одним из самых частых элементов титулатуры московского властителя было наименование «государь», русский вариант латинского *dominus* – ключевое слово в том насаждаемом царем языке, который, по мнению монарха, один только и подходил для описания отношений между ним, страной и подданными; отношений, которые, как ему представлялось, воспроизводили в земной форме отношения Бога с миром. Этот язык проясняет центральный аспект феномена бесчисленных лжецарей: когда народное недовольство перерастает в открытый конфликт, в большинстве случаев, даже если речь идет о событии сугубо местного масштаба, возмутитель спокойствия примеряет на себя роль царя, как будто, несмотря на прямое присутствие непосредственного виновника бедствий – помещика, управляющего, губернатора, – он не может говорить от своего собственного лица и рассматривать конфликт вне прямой связи с монархом.

КТО ТАКОЙ САМОДЕРЖЕЦ?

Таким образом, отношения «государь – холоп» были вписаны в самую титулатуру царя. Сначала русского монарха называли князем, потом великим князем, то есть первым среди равных, и, наконец, царем и государем, то есть тем *единственным*, кто стоит над всеми подданными. Термин «государь» был многозначным. В повседневном обиходе его употребляли в значении «хозяин/господин», как, например, в словосочетании «холопов хозяин». В Москве и Северной Руси он с XIV века использовался для обозначения уз личной зависимости. Не утратив этого смысла, он впоследствии приобретает другой, политический смысл – властитель. Но второе значение включает в себе и первое: московский властитель немислим без господства над подданными по своему усмотрению.

В последней трети XV века великий князь начал называть подданных «холопами». В письмах другим князьям он вместо привычного «старший брат» и «отец» именуется «господарем» (первоначальная форма титула «государь»), то есть домохозяином, отцом обширной семьи, включающей в числе прочих и холопов. Новый титул можно было понять буквально, в значении «холопов хозяин». В 1477–1478 годах представители новгородской элиты напомнили Ивану III, возмнившему, что на Новгород он располагает теми же правами, что и на свой наследственный удел, Москву, разницу между словом «господин» (хозяин лично свободных слуг), которое они считали приемлемым, и словами «государь» и «господарь» (владелец лично несвободных слуг), которые они отвергали. Различие между «государем» и «господином» привело к распрям и в Москве, где после смерти Василия III в 1533 году двое братьев последнего отказались называть государем его сына, будущего Ивана IV, предпочтя этому титулу слово «господин». Обе попытки сопротивления были пресечены на корню: Новгород утопили в крови, братьев Василия III казнили.

Такая политика господства была следствием религиозного мышления, о чем мы поговорим ниже. В 1576 году Иван IV вызвал к себе своего воеводу боярина Ивана Федорова, подозревавшегося в заговоре. Он приказал ему облачиться в царские одежды, взять скипетр, который дозволено держать в руках только монарху, и сесть на трон, на котором может сидеть только великий князь. Иван же, опустившись перед ним на колени, произнес: «Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московии и занять мое место; вот ты ныне великий князь, радуйся теперь и наслаждайся владычеством, которого жаждал. Впрочем, – добавил он спустя мгновение, – как в моей власти лежит поместить тебя на этом троне, так в той же самой власти лежит и снять тебя». И вонзил в него меч, велел присутствующим последовать его примеру. Слова царя о том, что в его власти возвести человека на престол, не могут не удивлять; официальная доктрина провозглашала, что данное право принадлежит исключительно Богу. Иван Грозный часто поминал об этом: в Москве, мол, власть передается от отца к сыну, цари вступают на престол по Божьей воле, а не по милости знати, то есть смертных, как это принято у поляков. Что дает царю, набожному христианину, осознающему, что он всего лишь человек, право делить власть с Богом? Ответив на этот вопрос, мы определим отличительные черты системы самодержавного подавления, которая утвердилась при Иване Грозном.

Ключом к ее пониманию может служить язык участников процесса, в особенности слово, много раз встречающееся в писаниях Ивана Грозного и звучащее в богословских спорах о Древней Руси, которые в действительности крутились вокруг управления людьми: это слово «самовластие», иначе говоря, власть того, кто считает источником власти самого себя. В Москве «самовластие» было частью религиозного языка и не отсылало ни к каким юридическим нормам. Считалось, что Бог дал Адаму, а значит, всему человеческому роду, самовластие, то есть способность выбирать между добром и злом. Это называлось еще «своеволием»,

которое Бог напрямую даровал человеку. Некоторые авторы, вроде инок Ермолая-Еразма, писавшего в середине XVI века, не преминули увидеть здесь подвох: для них личная свобода, какую подразумевает термин «самовластие», сопряжена с неравенством, насилием и произволом; воля может исходить только от Бога, власть человека не должна проистекать от него самого. Грехопадение человеческого рода – грех Адама, совершенный после того, как Бог даровал ему самовластие, – вызывало в Москве спор: обладают ли люди по-прежнему Божиим даром свободного выбора и по-прежнему ли их связывают прямые отношения с Господом или между ними теперь стоит посредник в лице Церкви либо государя? По мнению одних, вроде Феодосия Косого, человек не отвечает ни перед кем, кроме Бога. Другие же, напротив, полагали, что, если бы Господь с рождения наделил человека «самоволием», Он не поставил бы над ним царей и других властителей. Но Он это сделал – дабы «спасти наши души». Таким образом, друг другу противопоставлялись свободная воля человека и светская власть, призванная не допустить воцарения среди людей «буйства» (Иез. 22:5). Иван IV разрешил спор в пользу самодержавной власти: Бог дал Адаму способность действовать по своему выбору, но Адам согрешил; после его падения человек уже не может сам себя наделять такой способностью. Царь высказался недвусмысленно: человек утратил свободу, у него больше нет «свободной воли», нет права не признавать светские и церковные власти. Он должен смириться. Между собой и человеком Бог поставил царя, единственного, кто ныне обладает «свободой воли», то есть правом исполнять свои обязанности, награждать и карать грешников. Кара – тоже знак особой милости, ибо когда Бог наказывает, пусть даже смертью, Он спасает наказываемых. Приписывать царю способность действовать сходным образом значило максимально сближать его с Богом. С помощью аргументов теологии Иван Грозный выстроил систему умозаключений, призванную разьяснить и оправдать его методы правления. Телесно царь, разумеется, не похож на Бога; власть – вот что их роднит. Такое сближение должно было приниматься подданными тем легче и естественнее, что в русском языке и награда, и кара обозначались одним словом: воздаяние. Таким образом создавалось мыслимое пространство, в котором граница между ясным и темным тоже определялась весьма зыбкой. Через несколько лет Иван Тимофеев, которому Церковь поручила обосновать легитимность Михаила Романова, напишет, что чувства царя и его подданных несравнимы: тело монарха пронизано величием, которым он обладает. С этих пор омофор сакральности покрывал не только царское достоинство, но и царское тело.

Так был заложен идеологический «фундамент» самодержавия.

ГОСУДАРЕВ УДЕЛ

По прекрасному определению Александра Дворкина, «дом Ивана Грозного включает в себя царство во всей его совокупности». В ту пору Московия называлась Московским царством или Московским государством. Последнее определение обыкновенно переводится на французский как l'État moscovite. Между тем, передавая слово «государство» через понятие «государство» (State, État), мы смешиваем значение того и другого и применяем современное юридическое понятие к миру, чей политический порядок *не был государственным*. Вдобавок данный перевод не учитывает того, какой смысл в это слово вкладывали в ту пору; в результате Древняя Русь предстает осовремененной и неузнаваемой. Государство, как явствует из самого его названия, – это в первую очередь владение государя. Право царей распоряжаться землями и прочим имуществом подданных по своему усмотрению в XVI–XVIII веках – тема дискусионная. Однако ряд фактов на сегодняшний день можно считать установленными; в XVI веке, когда складывалось самодержавное государство, царь, или государь, выступал верховным собственником своего государства.

Историк А. Л. Юрганов недавно выпустил работу о завещаниях монархов, в которые включался список принадлежащего им имущества с именами наследников. Особое внимание обращают на себя два многозначных термина, определяющих отношения между царем и русскими землями в XIV–XVII веках: это «пожалование» и «благословление». Из всех многочисленных значений первого слова нас интересует одно – «жалование». Глагол «жаловать» сохраняет семантическую связь с глаголом «служить»: царь жалует тех, кто ему служит. Независимо от статуса служащих земля, которую он им жалует, принадлежит ему самому; он распоряжается ею как собственник, дает и забирает обратно по своему соизволению. Данное право распространяется и на такие вотчины, которыми владеет уже не одно поколение того или иного рода. Как следствие, даже самые знатные семьи не пользуются в полной мере правами собственности на пожалованные вотчины. Все эти владения целиком принадлежат царской фамилии.

Второй термин, «благословление», в XI–XVII веках также обозначает нечто передающееся по завещанию. Происходя от глагола «благословить», он вбирает в себя целый букет смыслов, проясняющих взаимоотношения между тронем и собственностью царя (см. такие глаголы, как «благословлять», «завещать», «передавать» и «делить семейную собственность»). В завещании Ивана Грозного (1579) это слово употреблено в двух значениях: царь передает власть на свои земли (Московию) старшему сыну; завещает уделы жене и другому сыну. В XVI веке уделы уже составляли часть владений царствующей фамилии, которая состояла из сыновей, братьев и жены монарха. Любые владения, принадлежавшие человеку вне этого круга, являлись не уделом, не наследственным имением, а пожалованием, сделанным государем, и, как любое другое владение, в случае необходимости подлежали возврату.

Это верховное право монарха пытались оспорить в 1606 году, когда бояре и дворяне, воспользовавшись слабостью положения Василия Шуйского, заставили его поклясться, что он не будет изымать ничье имущество без судебного разбирательства. То же условие было включено в договор 1610 года о призвании польского королевича Владислава на русский престол. Требуя от власти сохранить за ними земельные владения на правах узуфрукта, русские дворяне подтверждали, что конфискация их имущества была в то время обычной практикой. В XVII веке произошло изменение норм, что особенно заметно по Соборному уложению 1649 года, которое закрепило понятие частной собственности на землю. В то же время упрочение системы «пожалование за служение» не давало рассматривать вотчины как частную собственность в подлинном смысле слова. К неустойчивости частной собственности добавлялась неизменная практика изымания и перераспределения земли по прихоти монарха.

Таким образом, царь распоряжался государством как своим уделом, своей семейной собственностью. Нам понятно, почему Иван IV отказывался называть «братом» шведского короля, ведь он ставил себя выше Густава в иерархии верховных правителей: если дед скандинавского монарха не владел никаким королевством, русское государство принадлежало предкам Ивана уже не один век – *dominium domini* (владение господина, удел государя). Не будем забывать, что, хотя преемственность и выступает неотъемлемым элементом любого государства и хорошо знакомым современному человеку явлением, на Руси она была совершенно неизвестна, и на протяжении всего XVII века каждый новый царь, восходивший на престол, должен был всякий раз заново подтверждать существующие международные договоры. Ведь, как объяснял Иван IV, государь при любых обстоятельствах больше государства.

ЦАРСКИЕ ХОЛОПЫ

Крестьяне и служилые люди в челобитных царю должны были обозначать себя с помощью четко установленных формул. Эти формулы сближали отношения царя и придворных с отношениями семейного, домашнего типа. В XVII веке крестьяне были обязаны добавлять к своему имени, которое в знак смирения давалось в уменьшительной форме, слово «сирота» (если челобитчиком был мужчина), либо «сиротина» или «раба» (если женщина). Термин «сирота» уже не одно столетие обозначал человека, у которого, как и у холопа, нет ничего за душой. С конца XV века придворные в обращении к великому князю начали именовать себя холопами. Даже если де-юре не все служилые люди в XVI веке попадали под категорию «холопов», оборот «твой холоп» уже повсеместно использовался в прошениях, которые посылали царю служилые люди, крупные бояре и мелкопоместное провинциальное дворянство, и так продолжалось в течение всего следующего века. Данный оборот, равно как и раболепие московитов перед царем, утвердили у путешественников-иностранцев чувство превосходства по отношению к России, которая часто характеризовалась ими как отсталая и варварская страна. Поэтому необходимо прояснить причины использования этого оборота и его контекст, избегая высокомерно-предубежденного взгляда. Холопов как таковых отличало две особенности: у них было местное, а не иностранное происхождение, и нередко ради погашения долгов они сами продавались в вечное и наследственное рабство. В большинстве своем они оставались самой бесправной категорией подданных, хотя некоторым выпадал иной жребий: в награду за службу им на правах узуфрукта выделялись земли. В XV веке они представляли самую многочисленную группу среди тех, кто выиграл от перераспределения уделов, став, таким образом, одним из источников формирования будущего дворянства. Другие от чисто домашней службы переходили к выполнению различных обязанностей в местных инстанциях княжеского удела (судьи, управляющие и т. д.). Холопы, находившиеся в собственности у великокняжеской семьи, регулярно пополняли ряды придворных, составляя также значительную часть центрального правительственного аппарата. Случалось, что их положение менялось и они переставали быть холопами, но де-факто все равно оставались рабами великого князя. Переход от домашней службы к административной деятельности стал одной из причин повсеместного распространения оборота «твой холоп». Эволюция этого сословия высвечивает контраст между развитием России и, скажем, Германии, где эволюция служилых людей (де-юре крепостных) вела к их освобождению. Для России же характерен расцвет подчиненных отношений между царем и знатью, в том числе князьями и боярами. Не следует упускать из виду реальные отношения царя с подданными, проступавшие в языке, сфокусированном на слове «холоп», равно как и права, которые имел на них хозяин. В XIV–XV веках в Северо-Восточной Руси (Москва, Нижний Новгород, Суздаль, Владимир, Тверь) князья сохраняли за собой право распоряжаться жизнью и смертью своих холопов, которые были для них не чем иным, как частью имущества. Соборное уложение 1649 года, где в последний раз были зафиксированы законодательные нормы, касающиеся холопов (это сословие исчезнет в начале XVIII века), запрещало помещику убивать холопа, но соответствующая статья (глава XX, ст. 22) не предусматривала никакого наказания тому, кто нарушит закон, и это заметно снижало его эффективность.

ПОЧЕМУ РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО НЕ БУНТОВАЛО?

Было бы ошибкой думать, что амбиции царя всегда реализовывались. Оборот «твой холоп» не помешал плебсу поднять ряд крупных восстаний, а боярам и служилой знати – сохранить определенную самостоятельность. Некоторые известные историки придерживаются мнения, что оборот «твой холоп» имеет скорее метафорический характер. Впрочем, даже метафора дает представление об истинном положении дел и влияет на ход событий. Например, авторы «Акта о клятвенном отречении» 1581 года, объясняя, почему Филипп II Испанский утратил всякие права на семь северных провинций Нидерландов, обратились именно к этой метафоре, правда, лишь для того, чтобы сходу его отвергнуть: «Мы подданные, а не рабы [холопы]», – говорят они, выбирая совершенно иную линию поведения, нежели русское дворянство. В этом смысле суть метафоры «твой холоп» состоит в игнорировании русским дворянством принципа «священное право на бунт», который – со смерти Генриха II (1559) и до начала самостоятельного правления Людовика XIV (1661) – побуждал французское дворянство бороться с «тиранией», и хотя речь шла скорее о сословных интересах, звучали уже и собственно политические лозунги о совещательном и представительном характере монархии.

Отсутствие бунтов русской элиты не поддается простому объяснению. Причины назывались самые разные, например: сакрализация монарха; вынужденная служба элит, чье социальное положение и доходы полностью зависели от царя; отсутствие частной собственности и каких-либо формальных рамок, ограничивающих власть монарха; слабость городов; подчиненное состояние Церкви. Все это привело к такой разобщенности служилого «класса», что еще в XVIII веке у царя оставалось достаточно рычагов, чтобы, преследуя собственные интересы, делать ставку на одни слои дворянства в борьбе с другими. Правда, до начала XIX века было совершено три попытки обуздать деспотическую власть монарха (в 1606, 1610 и 1730 году), но это всё исключительные случаи, имевшие место тогда, когда русский трон оказывался пустым, а легитимность того или той, кто тщился его занять, вызвала сомнения. В 1606 году, как уже говорилось выше, часть элиты выдвинула требования, направленные на ограничение самодержавной власти боярина Шуйского. В 1610 году те же условия ставились королевичу Владиславу, но ему было не суждено взойти на русский престол. И наконец, в 1730 году императрице Анне Иоанновне пришлось принять «Кондиции», навязанные ей кучкой аристократов; однако спустя неделю, при поддержке большинства дворянства, она взяла назад свою клятву и наказала инициаторов этой затеи. Что до Шуйского и Владислава, то они не были царями по рождению. Первый хоть и принадлежал к одному из самых высокородных семейств России, тем не менее являлся «холопом». Второй был сыном польского короля, католиком и наследником власти, привыкшей активно взаимодействовать со шляхтой. Они не «наследовали» корону от царя, Божьего помазанника, их назначали такие же, как они сами, холопы, которые могли ставить им условия. Как видим, освободительного пыла русских элит хватило только на эти три попытки, и до восстания декабристов 1825 года он больше не проявлялся.

Ограничение царской власти было теоретически богоугодным делом. На практике же задуматься об этом всякий раз вынуждало лишь ужесточение произвола. И в 1606, и в 1610 году только хаос Смутного времени смог заставить холопов, оставшихся без хозяйина, выдвинуть главное требование: прекратить обращаться с ними как с холопами. В работе, посвященной коллективным представительствам в XVI веке, П. В. Лукин пришел к заключению, что случаи, когда в общественном дискурсе поднимался вопрос об ограничении царской власти, были исключениями, только подтверждающими правило, да и сам этот дискурс никак не корреспондировал с положительным правом и не вписывался ни в какое правовое поле.

ПРИНАДЛЕЖАТЬ ЦАРЮ

Мысль о принадлежности каждого подданного царю оставалась в XVII веке общепринятой. Приведем лишь один пример. В 1627 году во время ссоры двух крестьян, когда один угрожал, что вырвет у другого бороду, тот ответил: «Не дери меня за бороду, я мужик государев, и борода государева». Первый донес на своего противника, изменив конец фразы, который в его изложении звучал так: «У меня такова ж борода, что у государя». Человека, привлеченного к суду, признавали виновным, если выяснялось, что он говорил не о своей принадлежности царю, а осмеливался сравнивать себя с ним. Источники XVII века сохранили значительное число фраз, произнесенных различными людьми о царе, обычно во время частных ссор. Очень часто о них тут же докладывали властям.

Павел Лукин утверждает, что ни в одном из сотен диалогов, фиксировавшихся в этих документах в течение всего XVII века, ему ни разу не встретился вопрос: «Кто ты?». Вопрос формулировался иначе: «Кому ты принадлежишь? Чей ты крестьянин?» Его задавали не только крепостным, но и де-юре свободным людям. Ответ крестьян звучал следующим образом: «Я принадлежу Богу и царю, после них я принадлежу моему господину Х». Если вопрос обнаруживает, что принадлежность кому-то есть способ осмысления субъектом своей идентичности, ответ сообщает вдобавок, что такая принадлежность мыслится в гораздо более широких рамках, нежели та правовая реальность, в которой существовал субъект: последний принадлежал в первую очередь Богу и царю, возвышавшемуся над всеми сословиями, а уж затем какому-то конкретному владельцу (помещику, монастырю, короне и т. д.). Легко понять, что такой способ мысли препятствовал укреплению горизонтальных социальных связей внутри каждого сословия и узаконивал в качестве отношений вертикального и пирамидального подчинения обращение к царю. Подчеркнем еще раз: представление о принадлежности кому-то каждого субъекта присуще не только крепостным. Лейтмотивом этих документов, как утверждает П. В. Лукин, является принадлежность любого человека из любого сословия монарху; они принадлежат ему, словно неодушевленные предметы, словно земля, лошади или ворота крепости – все и вся, люди и вещи.

Иначе говоря, вынужденное отождествление себя с «холопами», каким бы ни был правовой статус каждого отдельного подданного, выражает фактически личную зависимость от монарха. Последняя олицетворяла отношения господства-подчинения между царем и всеми его подданными. Подобный вид зависимости усиливался несколькими факторами: во-первых, многие заметные фигуры при дворе и в правительстве вплоть до второй половины XVI века де-юре оставались холопами; во-вторых, еще в первой половине XVII века сохранялись такие древние виды этого явления, как полное холопство, восходившее к XII веку, вместе с присутствующими ему древними формами эксплуатации и угнетения; и наконец, давали о себе знать психология подчинения и непрочность положения новых назначенцев.

Подобные представления никуда не исчезли и в XVIII веке. Указ Петра от 1 марта 1702 года, следовавший в русле общей тенденции замены русских слов церковнославянскими и сопровождавший усиление сакрализации монарха, ввел оборот, который отныне должен был употребляться в качестве подписи под адресованными царю прошениями: «нижайший раб вашего величества». Определяя семантическую ценность данного оборота, следует учитывать его функцию в системе отношений и его психологическую «нагрузку». Термины «холоп» и «раб» в большинстве случаев были взаимозаменяемы. Слово «раб» в древнерусских церковных книгах указывало на положение любого смертного по отношению к Господу (раб Божий), а позднее стала применяться и для обозначения личной зависимости в земной жизни. Лишь при Екатерине II использование термина «раб» и оборота «нижайший раб» было отменено. Отношения прямого подчинения, связывавшие подданных с царем, сообразовывались

с отсутствием в России посреднических институтов (парламента, гильдий, ассоциаций и проч.) и с представлением о том, что русская земля – личный удел государя.

Сделав принципом самоидентификации оборот «Я принадлежу...», система добилась того, чтобы оборот «Аз есмь...» звучал почти исключительно из уст царя – Аз есмь царь.

Глава V. ИГРА В ЦАРЯ

*...Раби убо господие хотяще быти <...> царем же играху, яко
детищем...*

А. Палицын (1610-е годы)

Пытаясь понять неистребимость самозванства, я стал размышлять о феномене игры. Но чтобы наш анализ оказался плодотворным, нужно принять во внимание историчность понятия «игра» и современность его смысла и лишь тогда приступить к поиску его значения в российском прошлом.

ХОЛОПЫ ИГРАЮТ В ЦАРЯ

Очевидцы Смуты первыми увидели связь между самодержавием и лжецаревичами. Об этом свидетельствуют «Хронограф» Ивана Тимофеева и «Сказание» Авраамия Палицына. Иван Грозный, пишет Тимофеев по поводу пребывания на русском престоле Симеона Бекбулатовича, «играл» Божьими людьми. Палицын, вспоминая о наплыве лжецарей в Смутное время, говорит, что «рабы... царем играху». Эти понятия – «раб» и «игра» – служат связующим звеном между самодержавным правлением Ивана и лжецаревичами, которые стали появляться уже после того, как пресеклась его династия. Игра – удел рабов. Вступив в игру, низводит себя до положения холопа Иван Грозный; потом свою игру начинают подданные государя, холопы по определению. Отнюдь не считая подобное упоминание игры, которое в обоих случаях имеет негативные коннотации, простой метафорой, лишенной эвристического потенциала, мы покажем, что слова Палицына, уподобляющего самозванчество игре, нужно воспринимать всерьез.

ИГРА НА ЗАПАДЕ И ИГРА В РОССИИ

Нам уже приходилось упоминать о том, что приказал сделать с мнимыми детьми Шуйского царь Михаил Федорович: им отрубили голову, содрали кожу в местах, где находились родимые пятна, якобы свидетельствующие о царском происхождении... Упомянув об этой истории, можно лишь заметить, что если здесь и присутствовала игра, она, мягко говоря, очень отличается от современного представления о ней. Поэтому к игре нам надо подходить так же серьезно, как это делала самодержавная власть. В равной мере это относится и к «игре в царя», перекликающейся с игрой в бобового короля на Западе. Однако в России вмешательство властей превратило ее из развлечения в трагедию. К примеру, в 1666 году тверские крестьяне в преддверии великого поста нарядили двух своих земляков в царей. Была пора масленичных гуляний. Во Франции в это время года «веселые братства» и прочие «аббатства дураков» выбирали Короля Пустойкошелек, Короля Балбесов, Кардинала Шаромпокати, Аббата Дураков, Аббатов Беспорядка, Герцога Дайподзад и великого Патриарха Венериков. В тверском селе двух «царей» увенчали воронками, изображавшими короны, и усадили на «трон», в роли которого выступали оглобли. Впереди шли несколько крестьян, державших в руках крынку с варенцом и шест с привязанным к нему пучком соломы, который предстояло сжечь в конце праздника; женское покрывало служило штандартом, несколько деревяшек – мушкетерами. Невинная забава? Однако 7 марта владелец крестьян донес властям об их «преступлении», и царские эмиссары к девятнадцатому числу успели подвергнуть допросу с пристрастием 991 крестьянина. Те сознались, что двое из них были выбраны «атаманом и воеводою», хотя и не «царями». Боярский суд не смог доказать ни переодевания в царей, ни двойной коронации. Тем не менее 22 марта у обоих «царей» отрубили по два пальца на правой руке, их подельников высекли кнутом, а затем тех и других вместе с семьями сослали в Сибирь. За исключением детей младше десяти лет все остальные участники действия были биты палками.

ЦЕРКОВЬ И ИГРА

Столь быстрая и кровавая расправа над заигравшимися тверскими крестьянами была, вероятно, следствием живой памяти о Смутном времени, которой не давало утихнуть регулярное появление лжецарей. Но зачем наказывать и чего бояться, если игра ни при каких обстоятельствах не могла перерасти в политическое действие? Вопрос кажется закономерным, но лишь на наш, современный взгляд: в России в ту пору были запрещены *любые элементы игры*. До и после Смутного времени осуждению подвергалась именно игра как таковая (вне зависимости от наличия или отсутствия фигуры карнавального царя), оценивавшаяся в соответствии с религиозными представлениями о реальности. На пирушке, устроенной Иваном Грозным, князь Репнин отказался надевать маску, ибо это противоречило религиозным правилам, и заплатил за это жизнью. Князь Курбский, бежавший в Польшу, окрестил такие игры «сатанинскими забавами»: на ношение маски, которую не случайно называли «дьявольской мордой», и на маскарадное переодевание уже несколько веков было наложено табу. В XVII веке позиция Церкви оставалась неизменной. Впоследствии указ Петра I, предписывавший всем его подданным за исключением крестьян и священнослужителей переодеться в западное платье, был воспринят народом как требование обрядиться в маскарадные одежды, а стало быть, как доказательство антихристовой сущности императора.

Неприятие игр и, в более широком смысле, празднеств и их атрибутов – музыкальных инструментов, танцев, песен, шутов – с давних пор было принципиальной позицией Православной церкви. Церковь разделяла музыку, равно как и музыкальные инструменты, на священную и мирскую, причем последняя подвергалась с ее стороны осуждению. Так же относилась она к танцам и песням: если они мирские, значит, сатанинские (или народные: эти два слова иногда выступали синонимами). XI–XVII века были временем настоящей славы для скоморохов, ярчайших представителей мирской культуры, балагуров, без которых не обходились языческие гуляния, где они появлялись в сопровождении ручных медведей. Образ шута в это время был лишен всякой амбивалентности и иначе как знахарь, чародей и колдун не воспринимался. В языке той эпохи слово «скоморох» служило синонимом святотатства. Еще в XVIII веке, как свидетельствует «Лексикон», выпущенный Академией наук в 1731 году, для обозначения актера театра, наряду с другими, более современными терминами, продолжало использоваться устаревшее «кощун», тогда как собственно «актер» появилось лишь в «Словаре» 1763 года. Связывать «кощунника» с дьяволом было привычным делом и в остальной Европе. В глазах восточной церкви забавлять публику переодеваниями, песнями и плясками было занятием греховным. С XII по XVI век зрелища постоянно подвергались нападкам, всегда неизменным: они-де соблазняли верующих и сбивали их с пути истинного. Постоянство подобных обвинений восходит к самым истокам христианства и характерно как для Востока, так и для Запада.

К середине XVIII века театр и комедия обосновались и в России, но власти запрещали актерам наряжаться в монахов и священников и призывали «смотреть накрепко, дабы богопротивных игр не происходило». Как замечает П. Н. Берков, исследователь русского театрального языка, под «играми» в данном случае подразумевались запрещенные пьесы или отдельные подозрительные эпизоды из них; впрочем, в рассматриваемую эпоху это слово могло также отсылать к *sottises* (по выражению одного современника, решившего прибегнуть к французскому термину), то есть к грубым фарсам, предназначенным черни. Упорное, из века в век, подчеркивание святотатственного характера игры, усердие, с которым власти в XVII–XVIII веках боролись с нею, суровость телесных и символических наказаний, которыми эта борьба сопровождалась, побуждают нас спросить, не боясь быть обвиненными в излишней наивности: так в чем же провинилась игра?

ЧТО ЗНАЧИЛО «ИГРАТЬ» НА РУСИ В XVI–XVII ВЕКАХ

Ответить на этот вопрос нам поможет действие под названием «Вавилонская печь». В то время на Руси были популярны три пьесы, соответствовавшие средневековым западным мистериям и обращавшиеся к трем библейским сюжетам: шествию на осле, последнему суду и расправе царя Навуходоносора над тремя еврейскими юношами – Ананией, Мисаилом и Азарией, которых он велел бросить в пылающую печь за то, что они отказались выполнить его приказ, противоречивший их вере (Дан. 1:7). Во время представления упомянутой мистерии роли халдеев, которые должны были бросать еврейских отроков в печь, играли актеры, одетые якобы «на манер немецких лицедеев», хотя в реальности на них были красные скоморошья рубахи. Но примечательно то, что происходило уже после представления. «Халдеи, – свидетельствует англичанин Джайлс Флетчер, – в продолжение двенадцати дней бегают по городу в шутовском наряде». Адам Олеарий, посетивший Россию в 1633–1634 годах, добавляет, что после представления эти актеры-скоморохи получали у патриарха разрешение надеть маску, шутовской костюм и бегать в таком виде по улицам с восемнадцатого декабря до Крещения, поджигая шутихами волосы и бороды прохожих; на головах у них были причудливо размалеванные деревянные шапки, а бороды вымазаны медом. «К ним относятся как к нечестивцам и причисляют к язычникам и безбожникам, которых ждет вечное проклятие, а потому их надо примирить с Господом и через обряд погружения в воду вернуть в лоно Церкви. Для этой цели выбирается день, когда празднуют Крещение. Люди, крестящиеся уже взрослыми, например, вероотступники или турки и татары, принимают крещение в ручье или реке, куда их окунают с головой, какой бы в эту пору ни стоял мороз: весьма нередко, чтобы добраться до воды, во льду приходится прорубать отверстие. Так поступают в частности с теми, кого зовут халдеями». Историк театра Николай Тихонравов также полагал, что этих актеров считали погрязшими в грехах язычниками, отлученными от Церкви. Поэтому их окунали в воду накануне Крещения Господня, чтобы отмыть от скверны. Независимо от статуса этого таинства, ясно, что речь идет об очищении, открывающем человеку дверь в новую жизнь. Данный ритуал венчал собой такое в высшей степени греховное действие, как беганье шутов по городу. Очищение совершалось по окончании тех двух недель, когда скоморохи-халдеи-язычники грешили, получив на то официальное разрешение патриарха. Переход от религиозной, сакральной сцены к разнузданной шутовской пляске превращал игру в грех (еврейских юношей якобы бросали в печь), в реальное грехопадение (богомерзкие пляски актеров на улицах). Изображать их богомерзкими грешниками было, по-видимому, явлением распространенным, иначе опричники Ивана Грозного не назывались бы «халдеями» в «Житии митрополита Филиппа», написанном, вероятно, между 1590 и 1610 годом. Поскольку очищать от скверны людей, участвовавших в представлении, благословенном Церковью, было нелепо, пляски на улицах становились той уловкой, к которой прибегали, чтобы показать греховную сущность актеров. Признать, даже косвенно, греховную игру, тем более официальную, значило объявить об отсутствии границы между игрой и реальностью, что напоминало и об отсутствии таковой между истинным и ложным. Взаимопроникновение игры и реальности оттого было таким глубоким, что связь между ними носила религиозный характер. Граница, разделявшая их, была столь же эфемерной и на европейском Западе: в 1655 году в Париже комиссия, состоявшая из докторов богословия, высказалась против обрядов посвящения в некоторые цеха, поскольку в них было что-то от религиозного ритуала. Питер Берк вывел из этого, что упомянутые богословы не отличали лжекрещение от пародии на него; впрочем, со второй половины XVI века в католической (равно как и протестантской) Европе обращение к религиозным мотивам подвергалось все более строгим запретам.

Несмотря на появление первых придворных увеселений, в XVI и большей части XVII века игра еще не пользовалась той защитой, какую ей позднее обеспечит начало секуляризации и обособление игрового пространства. Поэтому когда игра затрагивала образ царя, то подвергалась осуждению, поскольку не была выведена за пределы религиозной сферы. Сравнение с играми во Франции того же периода поможет нам понять эту встроенность политики в религию. Если верить Роберу Мюшембле, в конце XVI века смеяться и играть на улицах французских городов стало опасно. По его словам, закрепощение нравов и замыкание в своей скорлупе каждого индивида и каждой социальной группы были обусловлены потребностями абсолютизма. Однако такого объяснения явно недостаточно в случае России, где, на наш взгляд, весьма проблематично говорить об абсолютизме и где задачи управления по-прежнему были подчинены религиозному восприятию реальности. К российским условиям больше подходила модель Питера Берка. По его мнению, главной заботой западных церковных и светских властей было сохранение религиозной сферы посредством отгораживания ее от всего мирского, позднее же – защита нравственности, которой, как они считали, серьезно угрожали непристойность и необузданность народных забав и обрядов, способных вследствие этих своих качеств скатиться к политическим акциям. Натали Земон Дэвис показала, что до середины XVII века не предпринималось никаких сколько-нибудь систематических попыток покончить с «аббатствами балбесов», которые заправляли народными празднествами. Как и Дэвис, Питер Берк полагает, что в середине века Церковь наконец одержала победу в той войне, которую издавна вела против празднеств и увеселений. В России в этот же период достигли пика гонения на шутов. Однако синхронность этих процессов в России и протестантско-католической Европе не придает им одинакового смысла: слишком уж велико расхождение между ними. Во-первых, западное христианство было настроено несколько иначе, чем православное. Во Франции ограничились тем, что запретили проведение маскарадов в культовых сооружениях и на кладбищах. Правда, швейцарские кальвинисты после победы в их стране Реформации попытались ликвидировать «аббатства балбесов» и прочие «объединения дураков», но не особо в том преуспели. Питер Берк считает, что Католическая церковь хотела лишь очистить народные празднества от скверны, тогда как протестанты жаждали полностью их упразднить. Несмотря на указы, ограничивавшие или запрещающие деятельность во Франции подобных «аббатств» и прочих «веселых братств», они сумели выжить, по выражению Земон Дэвис, в пределах дозволенного судебной системой. Каждый год братства получали лицензию на продолжение своей деятельности. Празднества нередко устраивались организациями: аббатства и братства совещались, переписывались, переговаривались с муниципальными властями, с парламентами, королем. По сравнению с той информацией, какой мы располагаем относительно народных увеселений во Франции в XVI–XVII веках, об их российских аналогах того же периода известно мало. Ясно, впрочем, что здесь речь шла о гораздо более разрозненных и стихийных выступлениях, случавшихся в связи с каким-нибудь праздником, таким как Масленица. Нужно добавить также, что во французских городах эти организации были профессиональными или территориальными, что свидетельствовало о наличии корпоративной жизни, которой в России не существовало. К тому же разного рода шутовские процессии не всегда приурочивались во Франции к праздникам, вроде Масленицы или Нового года, но устраивались также и для того, чтобы выразить недовольство королем (Париж, 1516), обличить местные власти (Дижон, 1576) или осудить разгул религиозных войн (Лион, 1580). Меры против этих шествий принимались только тогда, когда они выходили за границы дозволенного, непосредственно задевая церковные или светские власти. Следовательно, эти меры были обусловлены не богопротивным характером народных забав – хотя церковники без устали их клеймили, – а критикой политического толка, звучавшей со стороны названных братств и аббатств. Лионское *шаривари* 1668 года, которое от описанных выше событий в Твери отделяют всего два года, позволяет лучше осознать разницу между Францией и Россией. В Лионе во

время празднества погиб человек, но правосудие проявило удивительную мягкость: не попыталось привлечь к ответственности виновных, хотя их имена были известны, ограничилось вынесением легкого наказания сообщникам и отказалось присудить компенсацию вдове убитого. Государственным и муниципальным властям, считает Земон Дэвис, эта потасовка районного масштаба должна была казаться крайне несущественной на фоне налоговых бунтов, с которыми они столкнулись несколькими десятилетиями ранее, и волнений из-за нехватки хлеба, которых можно было опасаться в любое время. Право народа на развлечения, заключает исследовательница, оказалось более весомым фактором, и, несмотря на смерть одного из участников процессии, она отнюдь не стала последней.

Ситуация во Франции коренным образом отличалась от российской, где систематическое и кровавое подавление народных празднеств вроде масленичных гуляний тверских крестьян (которые французские власти, вероятно, сочли бы вполне безобидными, произошли они в их стране) свидетельствовало об ином мировосприятии. Управление людьми не мыслилось вне связи с Божьей волей. Политика еще не отмежевалась от религии. И поскольку речи и жесты, относимые к разряду игр, воспринимались в сугубо религиозном контексте, они не образовывали особого игрового поля, в котором перестали бы действовать привычные политические отношения между властью и подданными. В официальной идеологии московской Руси те действия, которые мы бы сегодня назвали игрой, не были самодостаточны, и не были отделены от этих отношений.

Нерелигиозная музыка, маски и переодевания были чужды и враждебны православию; их определяли как дьявольские и языческие, не делая особой разницы между ними. Мы уже показывали, что слова «язычник» и «поганин» (эквиваленты французского *païen*) означали также «чужеземец», «враг», «варвар», «нечестивец», «грубиян», «невоспитанный человек». Таким образом, сам язык служит свидетельством того, что политика, культура и даже география были встроены в религию, подчинены духовному, но от этого не менее цельному мироощущению. Именно в этом контексте игра в царя могла восприниматься в одном ключе с самозванчеством.

Глава VI. КТО ТАКОЙ САМОЗВАНЕЦ?

Когда появлялась подобная личность [самозванец], народ употреблял даже для этого известное подходящее выражение, что вот-де, «проявился такой-то», и личности эти он называл «явленными», как он привык выражаться о явлении чудотворных икон или мощей угодников.

Даниил Мордовцев. Один из Лже-Константинов

ДВА ЦАРЯ

Русская средневековая религиозная мысль допускала, что на троне может находиться не только «праведный», «истинный» царь, помазанник Божий, но и царь «ложный», ставленник сатаны. Изыскания П. В. Лукина позволяют утверждать, что народ знал о подобной альтернативе и рассматривал всерьез оба варианта. Однако со временем это противопоставление утратило ту четкость, какая была свойственна ему в прежние времена: царь мог действовать вопреки установленным нормам и при этом не восприниматься как лжецарь. Поскольку соответствие монаршего поведения божественной воле должно было оставаться чем-то сокровенным, касающимся лишь Бога и царя, для подданных не существовало внятных критериев легитимности действий правителя. В тех случаях, когда политика царя вызывала особенное недовольство народа, подлинность и легитимность монарха ставилась под сомнение: божьего помазанника подменили служителем сатаны. Следовательно, можно было сомневаться в подлинности того или иного конкретного царя, но царское достоинство как общий принцип эти сомнения не затрагивали. Однако речь не идет о концепции двух воображаемых тел короля, популярной в Византии и на христианском Западе. Напротив, очеловечивая царя, русский народ не отделял его физическое тело от тела мистического, чертога, где обитает его достоинство: *он его этого достоинства лишил*. Очеловечившись, монарх не мог больше считаться царем.

Таким образом, альтернатива «истинный царь, помазанник Божий – лжецарь, служитель дьявола» приводит – на фоне всяческих авантур, дворцовых интриг, мятежей местного значения и масштабных восстаний – к очевидно парадоксальному результату. Крайняя степень сакрализации царя делает его легитимность неуловимой, давая место сомнениям в его подлинности и появлению конкурентов, то есть самозванству. Другими словами, *самозванец* появляется потому, что есть *самодержец*.

КТО ТАКОЙ САМОЗВАНЕЦ?

Вера в возможность существования как истинного, так и ложного царя становилась оружием в руках не только простоародья, но и бояр. Она составляла часть общей культуры. И само слово «самозванец» родилось, вероятнее всего, под пером литераторов того времени. Борис Годунов был выбран царем и помазан на царство. Однако Тимофеев и его, и Шуйского представляет лжецарями. Борис, пишет он, равно как и все подданные истинного царя, был раб, в лучшем случае рабоцарь. Раб, ставший царем, становился лжецарем. С Шуйским автор тоже не очень церемонится: «Василия, самоизбранна глаголема всея Руси царя», – пишет он, окрестив Шуйского «самовенечником». Борис и Отрепьев оба лжецари, уточняет Тимофеев: первый научил второго, как украсть престол, второй же, в свою очередь, подал пример другим лжецаревичам, которые пришли ему на смену. Бориса, Отрепьева и Шуйского следует считать ненастоящими царями: они захватили власть по своей инициативе. Тимофеев не был одинок в этом мнении. В источниках можно часто встретить такую характеристику Отрепьева: «сам себя назвал царевичем Дмитрием». Противопоставление личной инициативы божественному решению очень существенно. Оно предвосхищает появление слова «самозванец». Впервые подобное выражение применительно к царю использует, насколько мне известно, ростовский архиепископ Вассиан Рыло. В октябре 1480 года в письме к Ивану III он противопоставляет хана Ахмата, «самому называющуся царю», Ивану III, назначенному Богом. Термин «самозван» был известен по меньшей мере с XI века¹. Однако я не встречал в источниках, появившихся в годы Смуты, слова «самозванец» по отношению к лжецаревичам². Не исключено, что этот термин все же применялся, но крайне редко, если сравнивать его с другими выражениями, характеризующими претендентов на престол и их поведение: «лжецарь», «ложный царь», «самоцарь», «отступник», «лже-Христос», «нарекаяся Дмитрием царевичем», «предтеча Антихриста», «вор», «еретик», «чары», «бесовский соблазн». Лжецарь воспринимался преимущественно в контексте религиозной мысли, допускавшей существование магии, враждебной по отношению к православной вере. «Называние» царем приобретает особый смысл в том же семантическом поле. Вскоре после окончания Смутного времени «Псковская летопись» определяет Сидора, четвертого Лжедмитрия, действовавшего в Пскове, как «новонарекшагося». Тимофеев доказывает, что, вопреки внешнему впечатлению, царь Михаил Романов был «зван» не людьми, но Богом, и придумывает прилагательное, которому суждено будет закрепиться за лжецаревичами: они «самозванные», ибо не состоят в родстве с теми, на кого снизошла Божья благодать («неблагословна корене»). Они не «избранники» Божьи, а «страдническия четы» (скопище страдников). Лжедмитрий II обозначен здесь как «самозванец, новоотступник, отрекшийся от Бога и от истинной веры». Таким образом, термин «самозванный» применяется по отношению к лжецаревичам ближе к концу Смуты или, может быть, вскоре после ее завершения – в противовес божественной легитимности, приписываемой первому Романову³. Конфликт определялся такими терминами: выбор Бога и выбор человека, призванный Богом или самозванный.

¹ В источниках XI–XVII веков это слово употребляется в нескольких близких друг другу значениях: 1) сделанный по своей воле, по собственному выбору. Подобный образ действия может оцениваться со знаком плюс: княгиню Ольгу называют «самозваной» потому, что она по собственному почину решила принять крещение. Можно также по своей воле стать мучеником; 2) пришедший без приглашения; 3) сам себя называющий (определенным образом).

² Слово «самозванец» фигурирует в названиях многих опубликованных источников, однако оно было внесено туда задним числом издателями. Близкое по смыслу к «самозванцу» прилагательное «самонареченный» встречается (применительно к Лжедмитрию) в Чине венчания на царство Василия Шуйского.

³ «Временник» Тимофеева писался в течение нескольких лет. Та часть текста, где фигурирует слово «самозванных», появилась, вероятно, после 1606 г. Второй раз это слово встречается в главе, написанной во время шведской оккупации Новгорода, не раньше августа 1611 г. и не позднее января 1617 г.

Придуманное дьяком Тимофеевым и долгое время служившее ярлыком для мятежников, идущих против власти, это слово позднее перекинулось и на авантюристов, преследующих личные цели, и стало квинтэссенцией наследия Смуты. Не ограничиваясь фиксацией определенных явлений, это слово – может быть, как ни одно другое, – воплощает одну из важнейших граней русской истории.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АЛГЕБРА

В западной литературе субъекты, выдающие себя за почившего или несуществующего монарха, обыкновенно обозначаются словами латинского происхождения: *impostor* (обманщик, узурпатор смысла или имени), «мистификатор» или «претендент». Использовать эти слова для перевода русского слова «самозванец» значило бы сводить смысл понятия к мистификации, обману, стремлению захватить трон – к второстепенным значениям слова, которое все несколько веков своего существования указывало в первую очередь на человеческую, а не божественную природу самозванчества. Самозванцем был тот, кого не призвал на царство Бог. Этимологически и семантически слов «самозванец» помогает осмыслить форму господства в России XVII–XIX веков, тогда как слово «мистификатор» этому осмыслению препятствует.

Земон Дэвис показала, что на Западе в начале XVII века в отношении мистификаций (*imposture*) произошел коренной перелом. Прежде мистификации воспринимались как нечто, принадлежащее миру чудес, волшебства, религии. После – как афера мошенников. То, что раньше считалось «странным» и имеющим отношение к чуду, теперь принадлежало расколдованному миру, где власть Бога не имеет прежней силы. Примерно с XVIII века успешные мистификации в Европе преимущественно были следствием не веры в потустороннее, а легковерия. В России тоже, конечно, случались мистификации, не нуждавшиеся в божественном оправдании, и в этом смысле к российским практикам тоже вполне подходит слово мошенничество. Но те, кто с начала XVII века претендовал на роль истинного царя, веками апеллировали к божественной легитимности: Святому Духу, отметинам на теле или просто к чудесам, спасшим им жизнь, когда их еще детьми пытались устранить злоумышленники. Прием, который они встречали у народа, зависел от степени доверия, внушаемого их обращением к чудесному.

В эпиграфе к этой главе писатель Д. Л. Мордовцев отмечает, что и в XIX веке народ уподоблял появление самозванца явлению чудотворных икон. Когда в основе некоего исторического феномена лежат коллективные репрезентации, установить точную дату прекращения его существования невозможно. Лишь на рубеже XIX–XX веков в результате вторжения в российскую политику модерности религиозная составляющая – отсутствие божественного предназначения – перестала быть определяющей чертой самозванства.

Хронологическое различие западного и русского восприятия самозванства указывает на синхронное существование двух вселенных, где время текло не синхронно: одна стремительно «расколдовывалась», другая, напротив, все больше скатывалась к сакрализации царя и его власти. Когда все сводится к нескольким десяткам лет, подобное несоответствие можно объяснить небольшим временным расхождением в рамках единой системы координат. Но когда это расхождение исчисляется столетиями, речь скорее должна идти о разрыве, о двух различных типах «исторической алгебры», как впоследствии назовет это Александр Герцен. Поэтому нам стоит, отринув эволюционистский подход, поместить самозванчество в самый центр децентрализованной политической истории – это, как мне кажется, единственный шанс разобраться в генеалогии российской политики.

Глава VII. АЗ ЕСМЬ ЦАРЬ

Самозванчество в России XVII в. было поистине массовой эпидемией.

П. В. Лукин. Народные представления о государственной власти в России XVII в.

«Хроническая болезнь», диагностированная В. О. Ключевским, в XVII веке приобрела, по выражению Лукина, характер эпидемии. Число случаев, которые он приводит, не оставляет сомнений: называть себя царем стало общим поветрием. Вербальное присвоение царского титула или места в царском окружении, к которому прибегали обычно для укрепления своего авторитета, по большей части не было узурпацией личности и уж тем более попыткой самозванчества. Однако власти не считали подобную банализацию слова «царь» невинной шалостью. Человеку, уличенному в том, что он назвался царским именем, грозило серьезное наказание. Так что же выражала эта «эпидемия»?

УМНОЖЕНИЕ «ГОСУДАРЕЙ»

«Я царь», «я помазанник Божий», «я государь»: нередко во время спора человек, стремясь доказать свое превосходство, отождествлял себя с монархом. Многие горожане, крестьяне и мелкопоместные дворяне, пострадавшие от произвола властей, жаловались: такой-то «ведет себя как царь» или просто «имярек – царь» (или хозяин). Это мог быть местный феодал, представитель монарха или любое другое лицо, превышающее свои полномочия. Воеводы, чтобы упрочить свою власть, любили повторять: «Я ваш царь». Когда какой-то стрелец в споре с крестьянином грозил ему именем «великого государя», крестьянин парировал: «Есть де кем хвалитца, наш де Фофан (имя помещика. – *К. И.*) болши вашего государя»; таким образом он давал понять, кто у них действительно всем заправлял. Всякий идентифицировал себя или своего собеседника с великим государем, членами его семьи или родственниками; случается даже, что целые семьи объявляли о родстве с царем. На протяжении всего XVII века отмечались случаи, когда люди выдавали себя за братьев царя, за его детей (иногда даже не указывая имени), соседей, приятелей, друзей, даже за царских шутов. Это было массовое явление, захлестнувшее страну и пронизавшее все слои населения. В нем участвовали крепостные, солдаты, воеводы, монахи. Кто-то, случалось, мог сболтнуть лишнее под воздействием винных паров или в пылу ссоры. Однако власти принимали болтовню всерьез, и влияние алкоголя не становилось смягчающим обстоятельством. Виновным, если их удавалось изобличить, грозило битье палками и кнутами, вырывание языков, ссылка или даже казнь.

Историк не располагает прямыми источниками для изучения народного мнения о царе в XVI веке, тогда как похожие документы, датированные следующим столетием, уже находятся в его распоряжении. Поэтому оценить степень новизны подобных умонастроений трудно. Однако мы все-таки можем предположить, опираясь на известные нам факты, что Смута смела заслоны, удерживавшие слово «царь» от опошления и повседневного использования народом. В XVII веке это слово то и дело звучало в разговорах, хотя они и осуждались за «несоответствие» официальной концепции: так, при первых Романовых начала вырабатываться новая судебная формула – «непригожие речи». Многие доносы были посвящены преступному уподоблению себя царю, нередко обозначавшемуся просто словом «государь».

Источники свидетельствуют, что в то время в стране был целый сонм царей и государей (эти два понятия взаимозаменяемы). Люди какого-нибудь местного «государя», например помещика, сравнивали своего господина с царем, утверждая при этом, что первый «главнее» и «лучше» второго или «равен» ему. Почти всегда эти слова произносились во время ссоры или спора, когда один из собеседников ссылался на службу «Великому государю», что должно было сделать его недостижимым для нападок противника, на что последний отвечал, что не признает главенство «Великого государя», поскольку есть, дескать, и другие государи. Последние стояли ближе к простому смертному, чем царь, и зависимость от них была теснее. «Великий государь» был одним из многих, и его власть простиралась далеко не на всех. В подобном обозначении фигуры Государя проглядывает целая иерархия, в которой царь далеко не всегда самый главный, не всегда тот, кого больше всего боятся. Крестьяне, принадлежавшие Церкви, утверждали, что монастырские власти «больше», чем Великий государь. Для обитателей уездных городов было обычным делом говорить «наш царь – воевода», добавляя со значением: «он у нас под боком» или «что нам Москва? Наша Москва – ... (следует название их города. – *К. И.*)». В этих источниках фигурирует редкий глагол «государиться», то есть брать на себя исполнение функций государя. Его употребляли в отношении зарвавшихся воевод, которые ведут себя словно государи, присваивая прерогативы царя.

Зачастую отождествление себя с монархом происходило, когда кто-нибудь старался выделиться из общей массы. Люди назывались царем или близким к нему человеком, когда стремились отстоять свои права, привилегии, полномочия, будто все это – монополия царя. Нет никакой необходимости называть имя конкретного монарха. Мечты о справедливости выражались не словами «Если б я был судьей...» или «Если б я был палачом...», но словами «Если б я был царем...». С другой стороны, любого, кто был в состоянии оказывать покровительство, имел возможность помогать, защищать или наказывать, могли окрестить «государем».

Подобная языковая стратегия отражает практику повседневного использования одного из аспектов идеологии монархической власти в России, оппозицию «Сам – остальные»,

«царь – холопы». По словам одного москвитя, приведенным в источниках, перед лицом государя все подданные равны, ни один не стоит выше другого. Впрочем, эта максима была справедлива не во всех случаях: широкое распространение элементов титулатуры отражало и иную реальность – воспроизведение в народной среде вертикальных отношений «хозяин – раб». Поэтому власть была затронута мистификациями на самых разных уровнях: появились, например, лжевоеводы. Не таило ли это опасность обесценивания понятий «царь» и «государь», которые, распространяясь все шире, присваивались столькими лицами? Тем более что среди произносивших непригожие речи были и такие, кто от разговоров (когда человек похвалялся родством с царем или каким-нибудь местным царьком) переходил к делу, пытаясь реализовать свои амбиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.